

Знакомый знакомого

И вечный дождь

Ана Стенк

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ана Стенк
Знакомый знакомого
и вечный дождь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67608936

SelfPub; 2022

Аннотация

Шёл дождь. Всё время шёл дождь. И под него попала ни одна любовная история. Лера поссорилась с Денисом, её сестра познакомилась с художником, этот знакомый порвал с натурщицей, она под эмоциями замутила с первым встречным, а его мать влезла в финансовую аферу, богатый предприниматель решает проблемы сына, а тот считает себя виноватым в разрыве Леры и Дениса. Ни одна любовная линия не останется без развития. В этом романе нет главных героев и нет второстепенных. Пока идёт дождь, кто-то начинает встречаться, а кто-то рвёт все старые отношения. Кто же останется вместе, а кто разобьёт сердце?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

1.	5
2.	8
3.	13
4.	16
5.	20
6.	30
7.	34
8.	37
9.	41
10.	45
11.	53
12.	61
13.	64
14.	70
15.	75
16.	80
17.	87
18.	91
19.	94
20.	99
21.	102
22.	108
23.	114

24.	120
25.	123
26.	126
27.	133
28.	137
29.	141
30.	149
31.	155
32.	158
33.	161
34.	167
35.	171
36.	174
37.	177
38.	179

Ана Стенк

Знакомый знакомого и вечный дождь

1.

Дождь. Этот отвратительный дождь. Лера уже тридцать минут ненавидела эту стекающую слезами с неба воду. Капли били её по голове, впитывались в одежду, проникали в самые сокровенные места тела. Её светлые волосы потемнели от влаги. Тушь растеклась по лицу, перекрашивая идущие в ряд родинки. Но макияж стёрся раньше, чем пошёл этот ужасный дождь. Лера плакала. Она просто рыдала. И в какой-то степени ей даже было обидно, что никто не видит её слёзы из-за этого паршивого дождя. Ей не нравилось, что вокруг люди проходили с зонтами и никто, абсолютно никто не предложил ей спрятаться от этого холодного, мучительного, режущего душу дождя. Хотя, наверное, всех отпугивала низкая машина, которая медленно ехала прямо за Лерой. Для окружающих не было понятно, кто сидит за тонированными окнами. Но Лера прекрасно знала. Тридцать минут назад и она сидела в этой прекрасной машинке. А сейчас вынуждена идти под дождём из-за чёртовой гордости. И поче-

му эта ненависть к дождю появилась именно сейчас? Во всём виноват был он. Тот, что так бездушно ехал за ней.

– Я не могу больше на это смотреть, садись в машину, – крикнул он, высунувшись в окно.

Лера приостановилась. Желания возвращаться не было. Но от холода немели пальцы на руках. Она решила полностью мокрой сесть к нему назад. Ему будет от этого хуже. Не ей. Лера села в машину, сильно хлопнула дверью.

– Да не долби ты! – сказал сидевший за рулём парень. Он не смотрел на Леру. Ему было всё равно, как она выглядит. А вот девушка весьма внимательно, будто в последний раз рассмотрела его тёмные волосы, чёлку, которую он, видимо, укладывал по три часа каждый день, шею, такую сильную, наполненную эстетикой мальчиков из Интернета. Посмотрела на серьгу в его ухе, не расстегнутые пуговицы черной рубашки, на чрезмерно аккуратные рукава. Ниже опускаться Лера не стала. Они просидели мгновение в тишине.

– Я вот только одного не могу понять? На что ты обиделась? Я серьёзно. Какого чёрта ты ведёшь себя как малолетняя школьница, которой не ответили на сообщение!?! – громко начал диалог парень.

– Потому что, Денис, не всё можно купить за деньги. Я тебе не проститутка! – на повышенных тонах заявила Лера.

– Ты со мной не из-за денег? Класс! Ещё какую чушь скажешь?

– Я ненавижу тебя!

– Взаимно.

2.

Парень отвёз Леру, высадил около серого дома, не удосужившись даже подъехать к подъезду. Со злостью обрызгал её водой из лужи. Лера озлобленно показала ему в след средний палец руки и направилась к своему подъезду. Зашла в лифт с какой-то вонючей бабкой и её собакой. Пока доехала до своего восьмого этажа чуть не задохнулась. Открыла ключом дверь, не обозначенную никакими цифрами, прямо в прихожей сняла всю мокрую одежду и зашла в ванную.

– Чтобы я ещё раз начала отношения! Ни за что! На свете нет ни одного нормального человека, с которым можно просто проводить время! Катитесь к чёрту вы все! – на эмоциях выкрикнула Лера, включив горячую воду. Она почувствовала неприятное покалывание в руках, возникшее от резких перепадов температур окружающих сред.

– Что опять случилось? – спросила подошедшая к закрытой двери девушка приятным нежным голосом, будто немного охрипшим.

– Ничего! – ответила Лера, перекрикивая шумно стекающую воду.

– Денис что-то сделал?

– Что-то сделал? Это как-то мягко сказано! Он предложил мне переспать с его другом за пятьдесят тысяч!

– Козёл! Тебе сделать чаю? – нелепо поддерживая, пред-

ложила девушка.

– Да! С ромашкой! И принеси полотенце, пожалуйста.

Лера вышла из ванной. Насухо вытерлась. Завязала волосы полотенцем. Пришла на кухню, где за чистым высоким столом, перед чашкой с ароматным напитком из которого струился лёгкий пар, наполняющий всю кухню приятным запахом, сидела девочка. Она выглядела мило. У неё были чёрные волосы, подстриженные прямой линией под каре. И чёлка, неровная, при желании закрывающая глаза. И в этот летний день она была одета в свитер, закрывающий шею и руки.

– Твоя чай, – пододвинула Лере чашку девочка.

– Спасибо. С тобой всё хорошо? – взглянула Лера на собеседницу.

– Да. Разве что-то не так?

– Ты бледная. Очень бледная, – уже спокойно говорила Лера.

– Так дождь ведь. Наверное, давление скачет. И голова из-за этого побаливает. Ничего страшного.

– Головную боль нельзя терпеть. Давай тебе давление померяем, Сонь.

Лера достала с верхней полки целый ящик с разными медикаментами. Посадила Соню прямо. Подняла рукав, под которым девочка упорно прятала порезы. Но Лера не обращала на это внимание. Она прекрасна о них знала. Нервировать и так травмированную пятнадцатилетнюю девочку, которая сбежала от матери, было глупо. Она измерила давле-

ние.

– И как? – тихо спросила Соня.

– Низкое. Очень низкое, – заявила Лера, – это тебе надо делать крепкий чай с сахаром, а не мне.

– Так я же не расставалась с парнем.

– А я не рассталась, – вдруг заметила Лера. – То есть он не сказал прямо: «Я тебя бросаю». Даже не знаю, что сейчас думать.

– Знаешь, из каких я сейчас держусь сил, чтобы не сказать «А я говорила»?

– Да я сама уже вся запуталась. Почему я вечно связываюсь с какими-то мудаками? Может, я проклята? И отношения это вообще не моё?

– Ты просто дура. Ты сама начала встречаться с ним из-за денег. А сейчас обижаешься не пойми на что! Он же не идиот. А может мне с ним замутить? Он при деньгах. Нам нужны деньги. Иначе ты знаешь. Мы не протянем. К матери я не вернусь. Она не просыхала два месяца.

– Мы со всем справимся, Сонь. Только без отношений! Никаких больше отношений! С этого и начнём.

Лера достала телефон. Зашла во все социальные сети. И везде, абсолютно везде, заблокировала Дениса. Везде удалила эти красные сердечки около его имени. Везде стёрла все даже малейшие упоминания о нём.

– Как школьница малолетняя, – заявила Соня и ушла в комнату.

Лера на это не обижалась. Соня была её сестрой. Но общаться они начали совсем недавно. Лера жила со своим отцом. Соня с матерью и отчимом. Мать бухала сутками напролёт. Отчим до неё домогался. Родство между Лерой и Соней было сомнительным, однако. Мать была у них одна. А один был отец или нет? Это уже вопрос на миллион. Соня сбежала к Лере две недели назад. А мать даже не позвонила. Даже не написала. Скорее всего, даже не заметила, что дочери нет.

– Не хочешь развеяться? Потусить со мной в клубе? – спросила Лера вечером у Сони.

– А можно? Как же твои подружки? Как же твоя компания?

– От них будут только осуждения по поводу Дениса. А ты на моей стороне. Ты за пятьдесят тысяч с каким-то левым человеком спать не будешь.

– Я ни с кем спать не буду. Мне пятнадцать. Как мамка в шестнадцать рожать я не собираюсь.

– Тем более.

– Что тем более? Ты вообще меня слышала? Мне пятнадцать. Меня в твои клубы второсортные не пустят.

– Да ладно тебе, Сонь. Мне нужно оторваться. Я хочу забыть Дениса.

– Обещай, что ничего не случится. Меня не изнасилуют в туалете. И в лесу не закопают.

– Обещаю. Тебя изнасилуют около клуба, а закопают за гаражами. Я шучу. Всё будет хорошо. Это тебе говорит за-

ядлая тусовщица. И мы пойдём не во второсортный клуб, а в самый лучший. В дорогой. Потратим все деньги, которые передал Денис.

– Я надеюсь, ты не уедешь оттуда с каким-то пацаном, чтобы заменить Дениса? – настороженно уточнила Соня.

– Я тебя не брошу там одну.

Лера вызвала такси. Вместе с сестрой они доехали в самый центр. Огромнейший клуб. Около него дорогие машины. Дождь закончился. Лера поделилась с сестрой одеждой. Это было сложно. Соня ни в какую не могла показать руки, а Лера любила открытые платья. Впустили их без лишних вопросов. В клубе было шумно. Лера протянула Соню к барной стойке. Там им сразу симпатичный бармен предложил красивые коктейли. Лера выпила и тут же пошла на танцпол.

– Эй, не оставляй меня одну! – остановила её Соня.

– Пошли тогда со мной, – прокричала Лера.

– Нет. Пожалуйста. Ты же обещала.

– Но ты же не маленькая. Я никуда не пропаду. Если что, держи деньги, – Лера сунула в руки сестры купюры. – Хочешь, можешь уехать домой в любой момент. Или купить себе выпить, что угодно. Вливайся.

3.

Соня поняла, что Лере уже дало в голову. Она под алкоголем расслабиться. Забудет о своём Денисе. Начнёт жизнь с чистого лица. Соня решила ей не мешать. Она пододвинула поближе стакан с напитком. В нём плавали огромные куски льда. Соня мешала их трубочкой.

– Малыш, – подошёл кто-то сзади и заставил Соню вздрогнуть, – чего ты тут одна грустишь? С карешечкой? Бросили? Горе запиваешь?

Соня отодвинулась подальше.

– Да чего ты? Я же ничего не делаю. Давай я тебя угощу. Ты одна здесь? – настойчиво спрашивал парень. В фиолетовом свете его трудно было разглядеть. Его внешность не прочитывалась. Соня лишь увидела его руки в ярком свете от барной стойки. Они были весьма неплохи. Чем-то даже прекрасны. На пальцах было три кольца. При чём два из них, чёрное и серебряное, на одном безымянном, и странное, с цепочкой, уходящей за кофту, на мизинце.

– Я с сестрой, – ответила Соня с желанием, однако, не говорить не с кем в этом месте.

– Не с парнем же. Я Вадим, – парень пододвинул ярко красный напиток Соне.

– Соня, – из-за вежливости представилась девушка.

– Сонечка, не хотите провести вечер в приятной компа-

нии меня и искусства?

– Нет. Извините. Я хочу поскорее уйти отсюда, – отрывисто сказала Соня.

Она встала и хотела уже выйти. Но только её тело было с этим не согласно. У неё в глазах потемнело, громкая музыка ударила ей по мозгам. Даже кровь начала стучать по вискам сильнее басов из колонок. Она бы упала прямо у барной стойки, но Вадим её подхватил.

– Эй, ты чего? Ты же даже толком не выпила. Пойдём на улицу.

Вадим вытащил Соню из клуба. Он помог ей просто остаться на ногах.

– Нормально? Что с тобой? Ты под таблетками?

– Нет. Просто давление скачет. Из-за погоды. Я пойду домой, – будто извиняясь, сообщила девушка.

– Давай я тебя подвезу. Садись, – Вадим показал на классную красную машину, стоящую чуть ли не перед самым входом. Соня испуганно замотала головой и попятилась назад.

– Обещаю не приставать. Не бойся. Не могу тебя отпустить в таком состоянии.

– Почему я должна тебе верить?

– Да не почему, в принципе. Я просто переживаю. Ты милая. Такую ночью и обидеть могут. Так что?

Соня подумала, посмотрела по сторонам, услышала странные звуки из-за спины. Она поразмыслила недолго и села к Вадиму. Хотя правило «Не садиться к незнакомцам

в машину» постоянно заставляло чувствовать себя не в безопасности.

– Сестру твою там оставим? – спросил парень, врываясь в мыслительный процесс Сони.

– Сама доберётся. Не маленькая. А тебе нормально вот так уезжать посередине тусовки? – поинтересовалась девушка, чувствуя за собой уже вину, что портит вечер человеку своими проблемами.

– Да. Я не люблю эти шумные вечеринки. Я чисто там для вдохновения.

– Вдохновения?

– Ага. Я картины рисую. Хочешь, покажу как-нибудь?

– Даже не знаю. Я тебя боюсь.

– Я такой страшный?

– Поставь себя на моё место. Мне пятнадцать.

– Ничего себе. Да. Опасно. Хотя, давай всё равно обменяемся контактами. Спишемся на досуге. Погуляем. Покажу своё творчество. Подальше от клубов. Любишь выставки?

– Не знаю. Я не была. Ни разу, – обрывисто отвечала Соня.

– Тогда, считай это приглашением. Ты свободна завтра?

– Если дождя не намечается, то да.

– Тогда созвонимся?

– Хорошо. Только отвези меня домой сначала.

4.

Вадим отвёз Соню. Сам уехал в мастерскую. В свою мастерскую. Здесь стояли огромные зеркала с синей подсветкой. В синем свете Вадим всегда и видел себя. Он не выходил днём на улицу. В его мастерской не было окон. В зеркале отражался художник. Вадим носил цепи и кольца. У него были выбриты виски. У него было рассечена правая бровь. У него был септум в носу. Недавно он начал бить рукав с древнегреческими богами. Поэтому он сразу разделся. Он любил смотреть на своё тело. Вот только на тело, которое находилось в его мастерской, он смотреть не любил. А оно ещё и подавало признаки жизни:

– Вадимка, ты вернулся? А у меня плохие новости. Приходил злой дядя. Он назвал меня ненужным хламом, – детским голосом промурчала обнаженная девушка, которая до этого спала в странном кресле-качалке.

– Марта, какого чёрта ты ещё тут?! Я же сказал тебе умиляться! – сразу же потерял хорошее настроение Вадим. Он, не обращая на девушку внимания, поднял огромный холст. Отнёс его к зеркалу. Потом поднял Марту на руки. Он обращался с ней как с вещью, а она была под веществами. У неё просвечивались рёбра. У неё был проколот пупок. У неё кудрявые волосы доставали до поясницы. Они были рыжие. Но в синем цвете они были ржавые. У неё были накрашены гла-

за. Стрелки светились неоновым голубым цветом. Она была невероятно гармоничной с окружающей обстановкой.

Вадим поставил её перед холстом. Она в него вцепилась. Она долго не отпускала. Он с силой встряхивал рукой, вырывался и просто был с ней резок и груб. А она смеялась без звука. Она облизывала губы. Она глядела в потолок, прокручивая голову. Вадим злобно вскрывал пакеты с цветным порошковым красителем. Он разбавил его. Перемешал. Макнул огромную кисть. Потом стащил с петли на стене фартук. Напялил его, чуть не вырвав все узлы и неуклюжие бантики. Замахнулся кистью. Краска полетела на холст, прямо на Марту. Ты стояла неподвижно. А Вадим начинал махать кистью всё сильнее. На теле девушки появлялось всё больше полосок от краски. Потом Вадим добавил к своей творческой агрессии слова.

– Ты больше не вдохновляешь меня! Я больше не могу видеть твоё тело! Меня тошнит от тебя! Как тебя выгнать!?! Как избавиться от такой заразы как ты!?

– Я не зараза. Я предмет искусства. Я сама любовь, – спокойно и раздражающе для Вадима, отвечала Марта.

– Ты грязь! Ты заставляешь мои глаза ненавидеть этот мир!

– Я все твои картины. Я твоё творчество. Ты не можешь меня выкинуть. Я часть тебя.

– Марта, ты человек. Отдельный живой человек. Живи свою жизнь. Не мозоль мои глаза!

– Но я никто без тебя. Я искусство. Я не человек.

– Марта! Не носи чушь. Проваливай из моей мастерской!

– Я не могу.

Вадим вылил последнюю краску на холст, толкнув на него девушку. Она была вся в краске. Она лежала на упавшем холсте, как модель. Она жаждала прикосновений от художника. Она хотела его. А его в прямом смысле от неё тошнило. Его раздражало её тело. Она раздражала его. Бессмысленная игрушка. Он хотел размазать её по холсту, хотел разнести её. Он не видел в её милом личике ничего милого. Он бы с радостью разбил это личико. С радостью выкупал холст её кровью.

– Где твоя одежда? – выдохнув, спросил Вадим, слегка успокоившись.

– Одежда? Что такое эта твоя одежда? – поднявшись, прикасаясь к парню длинным ногтем, спросила девушка.

– Как ты меня бесишь, Марта!

Вадим схватил девушку, перекинул через плечо, стащил с вешалки один из своих запачканных фартуков и выставил девушку за дверь. Марта стояла перед железно дверью в недоумении. Она постучала. Постучала. Постучала. Затем не выдержала, накинула на себя фартук, который прикрыл все её безумно оголённые части тела, и направилась гулять по ночному городу, вдыхая приятный запах после прошедшего дождя. В голове у этой рыжей девушке играл целый симфонический оркестр. Она пританцовывала. Она шла по

бордюром босиком, наступая в прохладные лужи, раскидывая руки и ища за тучами звёзды.

5.

Это продолжалось до тех пор, пока её не заметила проходящая мимо компания. Самый смелый и отчаянный из них сначала просвистел, а потом крикнул:

– Девушка, сколько за ночь берёте?

После этого раздался смех его друзей, которые поддержали парня. Марта повернулась к нему. Подождала, пока этот парень отойдёт от своей компании и подойдёт к ней. И когда тот стоял прямо перед ней она, улыбаясь, тихо ответила:

– Я не девушка.

– А кто же? Парень? – навеселе спросил подошедший человек.

– Я искусство, – ответила Марта, откинув волосы назад.

– Искусство? Типо смотреть можно, а трогать нельзя? – игриво вёл диалог парень.

– Почему же? Я современное искусство. Меня можно трогать. Но авторские права! – ударила Марта парня по руке, которая потянулась к её телу на слове «можно».

– И у кого же они? У мамы с папой?

– У художника.

– А я в своём роде тоже художник. Может, разрешишь использовать тебя в новом творческом проекте? Кирилл, – протянул руку молодой человек, назвав своё имя.

Девушка, недовольная столь бескультурным поступком,

опустила с силой руку парню, протянула свою и сказала:

– Марта.

Они прикоснулись друг к другу. И для обоих это было весьма неизведанно. Они не чувствовали такой неловкости прежде. Проходящее действие алкоголя и наркотиков не могло сдержать этого.

– Знаешь, какие-то мурашки по коже пробежали... – сказала Марта.

– Да... – задумчиво произнёс Кирилл.

– Холодно, наверное. Начнём с кофе? – Марта потянула своего нового знакомого по дороге. Прямо по проезжей части. Машин было мало. Они шли уверенно. Не боясь друг друга. Но чувствовали неловкость. Нельзя так просто и так сразу доверять первому встречному. Но с другой стороны, каждый хотел влиться в нового знакомого. Их что-то влекло, затмевая разум. И это был не инстинкт размножения. Это было что-то по-детски невинное. Что-то особенное. Слишком особенное для такого обычного момента.

Они прошли по главной площади. Здесь было красиво. Очень красиво. Прошли мимо самых культурных объектов. Прошли мимо огромного постера. Именно он смог всё испортить. На нём торжественно красовались буквы: «Вадим Март. Выставка «Марта». Перфоманс молодого дарования». Девушка остановилась, рассматривая собственную фотографию. Кирилл тоже посмотрел.

– Это ты? – спросил новый знакомый у девушки.

– Именно. И мой художник, – объяснила всё Марта.

– Хочешь, я набью ему рожу?

– Зачем?

– Ты стала грустной, когда увидела это. Это странно, – глядя в глаза девушки, заявил Кирилл.

– Он выбросил меня. Нельзя всю жизнь вдохновляться одним объектом. К тому же таким пустым как я, – поразмыслила Марта над поведением художника.

– Что с твоей самооценкой? Я думал, что ты должна взлететь до небес. Я же выбрал тебя! – разбавил грустные ноты этой ночи Кирилл.

– А ты кто-то особенный?

– А разве нет?

Кирилл схватил Марту на руки. Она оказалась намного легче, чем он думал. Она оказалась намного обнажённей, чем он думал. Она оказалась намного доверчивее, чем он думал. Кирилл отнёс девушку на руках до своей квартиры. Поставил её около двери и достал ключи. Внимательно посмотрел на новую знакомую:

– Обещай только не кричать. У меня родители дома спят. Веди себя тихо.

– Я не могу такого обещать. А вдруг ты захочешь меня зарезать?

– Так ты же искусство. Разве это не может быть творческим решением? – в шутку спросил парень.

– Ты маньяк? – заинтересовалась Марта.

– Нет. Я просто пошутил. Я не буду делать из тебя палитру.

Кирилл провёл Марту тихо к себе в комнату. В очень маленькую комнату. В ней с усилием помещалась одна кровать и шкаф. Марта не привыкла к таким маленьким размерам. В мастерской Вадима было просторно. Там могли поместиться четыре огромные машины. Там были высокие потолки. А здесь было слишком тесно. Марта даже начала немного переживать из-за столь крохотного пространства. Ее дыхание участилось. Она стояла посередине комнаты, смотря в окно, в котором остался большой мир, без сдавливающих стен, низких потолков и застоявшегося пыльного воздуха. Кирилл тихо на кухне приготовил чай и принёс его в комнату вместе с маминым печеньем.

– Можешь сесть на кровать, – неуверенно сказал Кирилл, видя недоумевающую Марту, неподвижно стоящую посреди комнаты в одном фартуке, измазанном краской.

– Мне страшно, – ответила девушка.

– Не волнуйся. Я не буду с тобой ничего делать. Как бы мне не хотелось. Мне нужно обоюдное согласие, – попытался внушить доверие Кирилл.

– Ты не похож на человека, которому нужно согласие. Ощущение будто при желании ты можешь свернуть горы.

– Я даже от родителей съехать не могу. Не говори глупостей.

– Может, ты просто не хочешь меня? Я не привлекатель-

на? Со мной неудобно? – неожиданно, без видимой на то причины, обиделась Марта.

– Ты очень красивая. Это субъективный, конечно, фактор. Но ты действительно красивая. Я удивлён, что ты заговорила со мной. Другая бы на твоём месте послала бы меня куда подальше.

– Матом? – уточнила девушка.

– И ударила бы по щеке. Не думай, что я каждую привожу домой. До тебя здесь была лишь моя одноклассница. И то мы только алгебру делали. Она была глуповата. Дело бы могло пойти дальше, но тут мама маячила. Поэтому кроме алгебры ничего не было.

– Ты, значит, умный?

– Я скажу, что не тупой.

– А у меня есть красный диплом о высшем образовании, – похвасталась девушка.

– Серьёзно? А ты не выглядишь как человек с красным дипломом.

– Ладно. Я пошутила. Художник перекрасил мне его. А покажи свои картины, – отвлекаясь от маленького пространства, попросила Марта.

– Какие картины? – не понял Кирилл.

– Ты сказал, что ты художник, – напомнила девушка.

– Так я соврал. Подумал, что по-другому ты меня сразу отошьёшь.

– Думаешь, что искусство – это только для художников?

Оно создаётся людьми, – Марта приблизилась к своему новому знакомому, – для людей.

Марта положила свою руку на плечо Кирилла. Встала на носочки. Поймала его взгляд. Почувствовала неровное дыхание. Абсолютно избавившись от всех мыслей, она прикоснулась к его губам. Они слились в поцелуе. И это был взрыв. Но не эмоций. Это был щёлчок, наконец, нашедших друг друга магнитов. Влечение, которое не описывалось прежде не в сердце Марты, не в сердце Кирилла. Казалось, что пышные кудрявые длинные рыжие волосы девушки взмыли вверх, как от электрического заряда. Они полыхали как огонь, обжигая руки Кирилла. А он в своё время зажигался от этого пламени. Он видел его с закрытыми глазами.

– Это не правильно, – сказала, прервав поцелуй, но не отпуская нового знакомого, Марта.

– У искусства нет правил. Это самовыражение. Просто почувствуй, – нашёл нужные слова парень.

Теперь инициатива легла на Кирилла. Он захватил её волосы, он нашёл спрятанные за ними завязки от фартука.

– Это предательство, – снова попробовала всё закончить Марта. Но Кирилл не мог. Не мог просто так выкинуть огонь, от которого он наконец согрелся за столько лет жизни. Его влекло её тело. Ему хотелось обжечься. Опустится в самый горячий котёл ада этой демонической девушки. В средневековье её бы точно сожгли.

– Предательство. Но не с твоей стороны. Ты больше чем

искусство. Ты больше, чем просто чья-то муза. Ты должна знать себе истинную цену, – говорил красивые слова Кирилл.

– Не слишком ли ты разогнался после признания с одноклассницей?

– Зачем нам обсуждать других людей, если мы сейчас вдвоём. Мне кажется куда приятнее узнавать друг друга, а не тех, кто был до или будет после.

– А разве кто-то будет после? – удивилась Марта.

– Остывший чай. Что ещё может быть? Не ломайся.

И Марта подчинилась. Она прогнулась под его руками. И только сейчас она ощутила, что Кирилл уж слишком сильный. Она чувствовала его пальцы между своими рёбрами. Он играл, будто на фортепиано. Но пальцы его были не музыкальные. Они были грубые. Грубее, чем у художника. И он был более отчаянный, чем художник. Он будто знал девушку наизусть. Он обходился с ней как с самым знакомым предметом. Будто свои пять пальцев он знал хуже. Марта выгибалась на кровати. Её волосы рассыпались, попадали между Кириллом и ней, зажимались, щекотали все возможные части тела. Фартук давно лежал на полу. Там же уже лежала вся одежда Кирилла. Смятая. Художник никогда бы так не оставил. Он не боялся пятен. Пятен от краски. Но мятой, неухоженной одежды он не терпел. Как не терпел бардак. Как не терпел бесполезной Марты, валяющейся под ногами. А Кирилл в данный момент обожал её. Его не раздражали её пышные волосы, которые лезли всюду. Он вёл рукой по её коже,

парой чувствуя пятна от краски. Но он был будто не снаружи, а внутри. Внутри этой красавицы. Вёл по невидимой линии, проходя будто между сильно обтягивающими кости мышцами и той тонкой сеткой нервов. Он колыхал её самые странные, неизведанные до этого момента чувства. Её бросало в дрожь от удовольствия. Хотя Кирилл ещё даже не начал. Он лишь целовал её шею. Он лишь скользил по её рёбрам, по её лопаткам. Он ощущал её наслаждение и сам входил во вкус. Она будто вливалась в него. Становилась с ним одним целым. Поняв, что она полностью готова, что он не доставит ей лишнего дискомфорта, Кирилл уверенно проник внутрь. Собрал пазл воедино. Марта хотела было издать не томный, чуть слышный стон, которым сопровождала процесс до этого, а что-то значимое. К слову она уже не могла сдерживаться. Кирилл подловил этот момент. Он закрыл её рот рукой. При этом входил он всё жёстче. Не понятно откуда в нём взялось столько энергии. Однако всё это имело последствия. Он упал на кровать почти без сил. И сразу же вырубился. Марта тяжело дышала. Её волосы душили её. Она и так задыхалась в этой маленькой комнатке, в этой духоте, в этой противоречащей её принципам связи. Она безумно хотела закурить. Хотя сигарету она не брала в руки лет так шесть. Но встать она боялась. Она закрыла глаза, повернувшись лицом к своему новому знакомому, которого, наверное, уже нельзя было назвать просто знакомым.

Марта на удивление крепко спала. Поэтому, когда в ком-

нату утром зашла мама Кирилла, спросила у сына, какие вещи постирать, девушка даже не повернулась на другой бок. Мама Кирилла тихонечко сказала сыну, что приготовит чего-нибудь особенного на завтрак. Она не лезла в его личные дела. И вообще была женщиной понимающей. А вот в грязное бельё лезла. И входила без стука. И в подростковые годы из-за этого доводила Кирилла до истерики. А сейчас давала ему денег. Поэтому портить с ней отношения было глупо.

Когда Марта проснулась, она по привычке хотела встать, посмотреть на себя в огромное зеркало, расправить заломившиеся во сне волосы. Но стоило её только оглядеться, как её сковал ужас. Стены будто стали ещё уже. Она села, натянув одеяло.

– Ты проснулась? – нежно отодвинув с её лица прядь волос, лезших ей прямо в рот, спросил Кирилл.

– Где художник? Выпусти меня! Я хочу на свободу, – начала быстро произносить Марта, совершенно непохожая на вчерашнюю Марту.

– Мама приготовила завтрак, – спокойно ответил Кирилл, – если хочешь, остался остывший чай. Наше «потом».

Марта частично вспомнила вчерашний день. Разобрала, что было сном, а что реальностью.

– Дашь что-нибудь надеть? – спросила она, глядя в окно, чтобы так не пугаться этой комнаты.

Кирилл тут же подал ей свою белую футболку. Она очень элегантно легла на её хрупкие плечики.

– Можно я позвоню? – спросила Марта, потеряв вчерашнюю искру. В её голосе читался лишь нота непонимания. Она будто боялась. Будто чувствовала свою вину. Кирилл дал ей телефон, а сам вышел на кухню, чтобы и её не смущать и с матерью разобраться.

6.

Его мама встала уже очень давно. Она проводила мужа на работу, приготовила завтрак в виде яичницы, жареного хлеба и блинчиков с летними ягодами.

– Кирилл, кто она? – спросила женщина, на лице которой уже начали появляться морщины. Но выглядела она свежо. Волосы её были подстрижены коротко. Но так было лишь последние три года. Она была немного полновата. Но не сильно. Глаза у неё были ярко голубые. Не такие, как у Кирилла, который унаследовал данный призрак от отца, получив грязную смесь серого и зелёного.

– Мама, – недовольно произнёс парень.

– Да ладно тебе. Поухаживай за девочкой. Я поеду с документами решать неувязочки.

– Что с документами?

– Да один, – женщина уже хотела проматериться, но при сыне она таким не занималась, поэтому она выдержала паузу и сказала, – нехороший человек решил обмануть меня на миллион рублей. Я с твоим папой всё пересчитала. Пойду разбираться.

– Если помощь понадобится, то звони.

– Аналогично. Хорошего дня, сыночка.

Эта женщина ушла. Она доверяла своему ребёнку. Но на всякий случай не рассказывала ему, где хранит деньги

и украшения. Потому что кого он домой может привести, неясно. На улице с ней здоровались. Это были, как и соседи, так и их дети, так и грузчик, который видел её чуть ли не каждую свою смену.

– Здравствуйте, тётъ Наташ, – кричали играющие во дворе дети. Женщина отвечала им бесшумно, одним поклоном головы и взмахом руки. Она уверенно садилась за руль, поправляла макияж, выравнивала под себя зеркало после сына.

Наташа приехала к дивный офис, где работали с деньгами, где машины на парковки были как с обложки журналов последнего года выпуска. Но такие понты эту женщину не смущали. Как и не смущало безумно бестактное, но в то же время верное замечание секретарши у самого входа:

– Вам кого?

– Эдуарда Васильевича.

– К нему можно только по записи.

– Я по записи. Мы с ним списывались. Он меня ждёт.

– Подождите. Я уточню.

Секретарша медленно прошла куда-то вглубь офиса и вернулась весьма не удовлетворённая чем-то. Она достала бумаги и обратилась к пришедшей женщине:

– Поставьте тут дату, подпись, расшифровку и свой номер телефона. Эдуард Васильевич ждёт вас в кабинете. Это два поворота по тому коридору. Удачного дня.

Секретарша явно улыбалась через силу. Но женщину это не смущало. Она пришла работать с деньгами. В этих делах

ненастоящие улыбки ничего не значат.

Зайдя в кабинет, Наташа тут же села в кресло и сразу с порога начала:

– Вы обсчитали нас на миллион рублей. И если для вас это копейки, то для меня нет!

– Ну что вы, – по-доброму обратился человек в синем костюме, идеальными линиями бороды и приятным одеколоном, – давайте пересчитаем.

Мужчина потянулся за бумагами, которые принесла женщина. Взял калькулятор и чистый листок, на котором начал выписывать числа. Наташа внимательно смотрела на него. Мужчина по-честному пересчитывал. Как вдруг у него зазвонил телефон. Он галантно обратился к своей клиентке:

– Сын звонит. Вы не против, если я отвечу?

Наташа тут же махнула головой в знак согласия. Эдуард Васильевич начал отвечать по телефону, откинувшись на спинку кресла и крутя в руках ручку. Наташа слышала разговор только с одной стороны и мысленно лишь представляла собеседника такого влиятельного человека.

– Кого тебе снять? А потом что? Мне с тобой по больницам таскаться? Ну, я бы на её месте тоже отказался. Да любой отказался бы. Хочешь, я сейчас у женщины уточню? – Эдуард Васильевич отодвинул телефон и спросил у Наташи. – Скажите, вот, допустим, у вас есть парень, и этот парень предложил вам переспать с его другом за пятьдесят тысяч рублей. Вы бы согласились?

– Нет, – не сильно вдумываясь, ответила женщина.

– Она отказалась, – ответил в телефон мужчина. – Не расстраивайся ты так. Не дала одна, даст другая. Я на твоём месте не с отцом бы такие вещи обсуждал. Короче. Я сейчас подъеду и лично передам тебе деньги. За переводы большая комиссия теперь.

Эдуард Васильевич отключил телефон и продолжил пересчитывать. А когда закончил, отдал клиентке документы с черновиком и словами:

– Всё верно. Я не нашёл ошибку. Если что-то не досмотрел, то пришлите на почту. Я должен срочно уйти. У вас, кстати, нет дочери?

– Нет. Только сын.

– Сын? А может, ему и парень подойдёт. Пишите. Не могу задерживаться. Голос у него не спокойный. Ещё сделает с собой что-нибудь. Неустойчивый подростковый разум. Простите за это.

7.

Мужчина торопливо вывел женщину из кабинета, закрыл его на ключ. Сам отдал ключи секретарши и быстро отъехал от офиса. Уходить так с рабочего места было не в его принципах, но и сын звонил ему далеко даже не каждый месяц. Этот мужчина всегда был спокоен. Он пил таблетки, чтобы не срывать на работников, на клиентов. Но этот голос сына в трубке телефона. Часть его первой жены. Он ехал на скорости, которая была выше обычной. Он проехал на мигающий жёлтый. Сам оставался спокойным. Но почему-то казался себе слишком импульсивным. Уже высчитывал, сколько отдаст на психолога в этом месяце. И всё ради этого ребёнка. Но он единственный, в отличие от его жён. И он действительно любит его. Готов отдать ему любые деньги, чтобы тот ни в чём не нуждался, чтобы не чувствовал одиночества со стороны отца. Он не специально оставил его с матерью. Так сложились обстоятельства. Человек может разлюбить однажды. Может поменять одну женщину на другую. И это нормально. Это логично. Зачем доводить друг друга до психоза, если у любви есть сок годности, который исходит. А держать брак на ребёнке для Эдуарда Васильевича было аморально. Он послушно платил алименты. Иногда проводил с сыном время. Но потом ребёнок вырос. Вырос и закрылся в ванной. Закрылся от друзей. И от всех. Вырос и считает себя

виноватым. И явно раскис. Явно сдался.

– Здравствуйте, – поздоровался друг его сына, пожав руку прибывшему отцу.

– Привет, Денис, – поприветствовал отец друга. – Что у вас тут? Где Тимофей?

– В ванной. Закрылся, – объяснил всё Денис.

– Тим, ты ещё не вскрыл вены? Ты можешь нормально объяснить, что случилось. Или мне уже скорую вызывать?

– Зачем ты припёрся! – раздался голос из закрытой комнаты.

– Я волновался, – через дверь сказал Эдуард Васильевич.

– Волновался? Как нагло ты врёшь? Боялся, что я уже сдох? – истерил парень.

– Сын. Скажи в лицо, что ты хочешь. К чему эти детские капризы? Выйди. Поговорим как отец с сыном.

Дверь в ванную, около которой до этого стоял Денис, открылась. Оттуда вышел немного растрёпанный, но с модельной внешностью юноша. С мягкими, почти женскими чертами лица. Он был довольно высок. И на отца похож лишь формой губ и не более. Скулы у него были острее. Взгляд величественней. Даже когда Тимофей был жалок, его глаза имели власть.

– Что ты хочешь услышать? – спросил парень, обращаясь к отцу.

Тот сразу выдохнул. С облегчением произнёс:

– Хорошо, что ты ничего с собой не сделал.

– Из-за меня Денис расстался с Лерой, – заявил Тимофей.

– Ты расстался с девушкой? – уточнил Эдуард Васильевич у Дениса.

– Ну, я бы так не сказал. Но мы бы и так расстались. Она была со мной только из-за денег.

– Так с тобой любая будет из-за денег, – не понял такого странного высказывания Эдуард Васильевич.

– Говорите, как моя мама, – сказал Денис.

– Да я уверен, что если ты приедешь к этой девчонке, постоишь часик около её двери, она растает и вернётся к тебе. Сам ведь не хочешь быть с ней?

– А вы не такой занудный, как ваш сын, – заметил Денис.

– Да как вы так можете! Дай ключи от своей тачки! – обратился Тимофей к Денису.

Тот, не сильно вдумываясь, протянул ему ключ с дизайнерским брелком. Из драгоценных камней была выложена бесконечность.

8.

Тимофей сел за руль машины Дениса. Он уехал от отца и друга, которые только и думали, что о своих деньгах. Он подъехал к дому Леры. Остановился и не осмелился выйти. И эту машину увидела из окна Соня. И первое, что она сделала, зашла к Лере и об этом рассказала:

– Вставай, гулёна. Угадай, чья машина стоит под окнами?

– Чья? – промычала Лера, не поднимая голову с подушки.

– Не прикидывайся глупой. Ты же понимаешь, о ком я.

– Денис? – поднялась Лера и протёрла глаза.

Соня не стала ей отвечать. Дальше дело было лишь за её сестрой. А Лера не собиралась торопиться. После вчерашнего её голова раскалывалась. Да и Дениса она просто не хотела видеть. Как можно забыть того, кто маячит перед глазами каждый день? А Соня продолжила смотреть в окно, попивая крепкий кофе. Она чувствовала ещё более сильную головную боль, нежели Лера. Погода никак не могла разгуляться. Дождя хоть и не было, но собиралась гроза. Соня очень сильно зависела от погоды. Да и вообще здоровье её подводило. Но к врачу она не ходила. И не собиралась. Она всю ночь переписывалась с Вадимом. И сейчас с нетерпением ждала, когда он напишет, чтобы та выходила. Намечался её первый поход на выставку. Да ещё и с самим художником. И чтобы ничего не портило ей этот день, она выпила таблетку, накра-

сила глаза и зарядила телефон. И пока Лера умывалась, выглядывая иногда в окно, Соня оделась и ушла. Местом встречи стала автобусная остановка. На улице стояла духота. Проходя мимо стоящей машины, она, пересиливая себя, всё же постучалась в затонированное окошко. А когда ей открыли и она увидела не Дениса, то растерялась, но поняв, что этот человек тоже имеет к Лере какое-то отношение, трясущимся голосом произнесла:

– Если вы к Лере, то можете уезжать. Она сегодня не выйдет. И завтра тоже. И вообще отстаньте от неё. Или вы хотите деньги вернуть?

– Я хотел извиниться за Дениса, – не менее напуганный такой дерзостью, сказал Тимофей.

– Напишите ей сообщение, – серьёзно предложила Соня.

– Она заблокировала везде Дениса. А у меня нет её номера.

Соня очень сильно прониклась таким отношением этого человека. Она посмотрела на время в телефоне. Поджала губы, сомневаясь в своём решении. Потом открыла номер Леры и показала человеку за рулём.

– Не говорите, что это я вам дала. И я попрошу небольшое вознаграждение за услугу. А за совет возьму ещё столько же.

Тимофей достал из кармана кошелёк. Там были карточки. Но была и одна купюра в пять тысяч. Он протянул её Соне.

– Хватит? – спросил Тимофей.

– Да, – быстро взяла Соня деньги и нагнулась к Тимофею

ближе, – позвоните ей после обеда. И придите лучше без машины Дениса. И не говорите с ней о деньгах.

Соня взглянула на время и ускорила шаг. Она прибежала к остановке, где её ждал Вадим. Его было трудно узнать. Он выглядел не так, как вчера. Соня бы его не узнала. Но он первый подошёл:

– Привет. Как дела? – начал диалог Вадим.

– Замечательно. Почему здесь встречаемся? Машина сломалась?

– Нет. Просто сегодня последний день моей выставки. Хочу совершить один маленький перформанс. Это будет шоу.

– Интересно... И что же ты сделаешь?

– Сначала скрою свою личность, а что будет потом, увидишь сама.

Вадим и Соня втиснулись в почти переполненный автобус, в самую духоту. Им пришлось стоять. И выйти из него оказалось просто нереальным удовольствием. Соня увидела огромный плакат. Прочитала надпись, узнав своего нового знакомого:

– Это, правда, ты? – сравнила изображение и реальность Соня.

– А кто же ещё?

– А кто такая Марта? Твоя девушка?

– Даже не знаю, что сказать... – растерялся Вадим. – Она пропала вчера. Может, это была моя галлюцинация. Но, если честно, почему-то я за неё волнуюсь.

– Я надеюсь, что это не из-за меня, – немного смутилась Соня.

– Что ты. Не переживай. Марта – это метафора. Я работал над этой выставкой с марта. Просто игра слов. Не более. Прошу. Заходи.

Встретили эту пару весьма дружелюбно. Сразу предложили игристые напитки в красивых бокалах. Человек, на удивление, было много.

– Рассмотрю пока работы. Мне нужно немножко подготовиться к своему выходу. Ровно в 12 часов 57 минут я буду около центра выставки.

Соня махала головой, делая вид, что понимает, что от неё хотят. А сама она хотела присесть. Но такой возможности не было. Она не могла даже облокотиться об какую-нибудь стену. Кое-как, проходя мимо этих непонятных абстрактных картин, она добралась до туалета, где хотя бы нашла холодную воду. Но при этом она не смогла умыться. Не зря же она красилась. Боль давила ей на виски. Какая-то женщина предложила ей таблеточку и отвела в медпункт.

– Может, вам скорую вызвать. Или вы с кем-то пришли? Позвать кого-то?

– Нет. Спасибо. Сейчас пройдёт, – не хотела кого-то напугать Соня.

9.

Женщина вернулась в зал, где уже собиралась толпа около человека, который поставил пред самой большой, центральной, самой главной картиной банки с краской. Люди останавливались, не очень удивляясь. Современные художники часто творили разные выходящие за рамки вещи. Вадим встал перед картиной. Он начал высматривать в толпе Соню. Начал нервно выжидать минуты, макая кисть в чёрную краску. Ни в одной его картине не было ни капли чёрного. Все картины были яркие, мягкие, эмоциональные, но светлые. Они не нагнетали, а будто описывали ту весну, что обычно просыпается в душах у влюблённых. Но Соню он так и не нашёл. Только Марту. Она стояла и смотрела на него. Её пышные рыжие волосы были собраны в толстую тугую косу, которую она перекинула на плечо. Она была в белой рубашке. А рядом за ней стоял Кирилл. Но Вадим этого не знал. Он считал, что Марта пришла одна. И это добавило ему сил и уверенности. Он не видел её печального взгляда. Не видел её отчаяния. И когда Вадим взмахнул над картиной кистью. Над картиной, где прорисовались её черты. Где были рыжие кудри. Эта чёрная краска легла на стекло. Марта вздрогнула. Люди начали снимать происходящее на камеры. Марта взяла бокал шампанского и выпила его залпом, чтобы не заплакать и отвлечься от этого вандализма. Она искусство. Она

сила творчества. А он... Просто замазывает то, что было создано её обликом. Когда он выставил её из мастерской, было не так больно как сейчас. По отношению к Марте это было очень жестоко. На картине почти не осталось просвечивающегося из-под чёрной краски места. После чего Вадим взял пустую банку и бросил её со всей силы в картину. Стекло разлетелось, и художник облил сам холст чёрной краской. После чего остановился. Начал смотреть на полученный результат. При этом он не шевелился. Люди начали расходиться. Марта сказала Кириллу, чтобы тот подождал её на улице. А сама молча, но горда, сглотив весь ужас, подошла к Вадиму.

– Мне было больно. Ты доволен? – сказала девушка.

– Отчего больно? От того, что я потратил на такую пустую, бесполезную, глупую девку столько месяцев работ? Ты никто! Ты наркоманка! В тебе нет ничего от искусства! – эмоционально крикнул Вадим.

– Я не наркоманка. И знаешь, вообще-то меня могли вчера убить, меня могла сбить машина. Ты даже не искал меня! Хотя бы в благодарность... Что я такого сделала? За что ты меня ненавидишь?

– А ты не понимаешь? Ты не понимаешь?! Марта – я не люблю тебя! Все картины с тобой – мёртвые. Ты мёртвая.

– Я искусство. А ты художник, который просто не понимает меня! И раз ты, проводник прекрасного, считаешь меня мёртвой, – Марта достала сложенный аккуратно фартук, –

придётся расстаться. Вот так. Тихо. Мирно. Без этих сцен. Видимо, ты перерос меня. Я утратила свою основную функцию и стала бесполезной. Добивайся новых побед. Я больше не побеспокою тебя.

Марта отдала молча Вадиму фартук. Через силу улыбаясь, обошла художника стороной и приблизилась к испорченной картине. Чёрная краска стекала, впитываясь в старые мазки, наполняя холст болью натурщицы. Марта прикоснулась к стекающей краске. Будто она портила не картину, а уничтожала её. Марту разрывало изнутри. Но внешне она была так спокойна. Она стояла у картины и лишь дышала чуть глубже. Её плечи поднимались реже.

– А может, я и, правда, мертва? – Марта провела ногтём по острым осколкам, которые остались от разбитого стекла. – Может добавить в эту картину драмы? Может, пора закончить эту историю недостойного искусства?

Марта, как ни в чём не бывало, смотрела прямо перед собой, пока её запястья резались об остатки стекла, пока осколки вбивались в кожу, пачкая белую рубашку чёрной краской, пока вены рубились на двое. Хрупкое стекло ломалось, оставаясь кусками в теле Марты. Тёмная кровь стекала по рукам Марты, пачкая чужую рубашку. И хоть она и текла не спеша, но её было много. И от её вида Марту начинало мутить. Она этими порезанными запястьями, попыталась смахнуть чёрную краску. Но та уже навсегда осталась на полотне. А теперь к ярким краскам добавились не только чёрные пятна, но и

красные, кровавые потёки, которые так просто могут убить искусство. Марта творила вместо художника, исправляя его ошибки и совершая свои.

Люди начинали шептаться. Они наблюдали за всем этим. Не все, конечно, но любопытные были. А Марта уже начала валиться с ног. У неё в глазах темнело. Она теряла сознание, не чувствуя боли. А тем временем Вадим стоял спиной к картине, смотря на фартук и изредка на проходящих людей в надежде найти Соню.

– Она вены порезала? – шептались люди.

– Она сейчас умрёт, – доходило до особо ранимых, которые не верили в шоу.

– Она, действительно, умирает. Вызовите скорую! – люди начали копошиться. Одна девушка не выдержала. Она подошла к Марте и просто поймала её падающее на пол, на разбитое стекло, тело. Торопливо набрала номер скорой. Ещё более нервно описала ситуацию. Вадим так и не повернулся к ней. Он вышел на улицу, где было много машин, людей. Где огромные тучи нависали над городом. В этих тучах пролетали электрические заряды и гром. По одной нелепой капли начинался дождь. Вадим посмотрел вокруг. Подъехала машина скорой помощи. Художник удивился такой скорости. Он бросил фартук у входа и ушёл с собственной выставки. Когда он проходил мимо припаркованных машин, его толкнули, открывая дверь. Это была блондинка, которая не стала даже извиняться.

10.

Лера вышла из машины, толкнув какого-то человека дверью. Она хотела устроить скандал, но её ждала Соня. Скорая у входа испугала Леру. Она набрала сестру. Соня описала ей путь к мед. пункту. Лера прошла мимо огромной толпы, за которой было не понятно что. Лера поднялась к сестре. Та сидела на диванчике. Медпункт в выставочном зале скорее предназначался для ранимых людей искусства, которые периодически ловят панические атаки, а не для людей, у которых давление скачет от перемены погоды.

– Что с тобой? – спросила Лера, присаживаясь рядом с Соней.

– Мне плохо. А ты быстро приехала, – заметила сестра. – Такси быстро подъехало?

– Нет. Меня подвезли. Тебе дать таблетку?

– Я уже выпила. Кажется, я скоро слягу замертво с этой головной болью. Ещё и Вадима потеряла.

– Кто такой Вадим?

– Пошли отсюда. А то вдруг ещё с ним пересечёмся, – неоднозначно ответила Соня.

Лера вывела сестру под руки. Ту покачивало. На улице начиналась гроза. На улице было душно. И даже страшно. Небо было настолько чёрным, что учащающиеся вспышки молний были как мигающие лампочки в подъезде. Лера по-

садила Соню на заднее сиденье машины Дениса. Её подвёз Тимофей. И тот разговор был очень нелеп.

– Ну, что? Куда вас подбросить? В больницу? – спросил временный водитель.

– Какую ещё больницу. Мне никак нельзя. Меня закроют в психушке! – забеспокоилась Соня.

– Что тогда? Вообще с такими симптомами лучше не шутить, – сказал Тимофей.

– Можно просто домой. Я лягу спать, проснусь, и всё будет хорошо.

– Я могу предложить вам ещё один вариант. Только доверьтесь, пожалуйста. Обещаю, что в больницу не отправлю. Просто проконсультируюсь с одним человеком. Да и сам немножко попрактикуюсь.

– Поехали, – согласилась Лера и пристегнула ремень. Тимофей был за рулём менее уверенный, нежели Денис. И Лера это заметила. Дождь напрягал его ещё сильнее.

Соня очень хотела спросить, как Лера до такого докатилась. Но тот факт, что она сама дала этому человеку её номер, заставлял её хранить молчание. Тимофей привёз девушек к себе домой. Там его ждал Денис. И это была очень недоброжелательная обстановка. Но Тимофей не делал на этом акцент. Он с порога заявил:

– Не ругайтесь в моём доме.

Лера переглянулась с Денисом, пытаясь сказать в этом взгляде всё, что думает о нём. Тимофей увёл Соню с собой.

В белый, чистый кабинет, где пахло медикаментами. Тимофей помыл руки. Надел очки. Посадил Соню перед собой и закрыл дверь.

– Кто ты такой? – удивилась Соня, которая никак не могла составить портрет этого человека со своей действительностью.

– Меня зовут Тимофей. У меня есть медицинское образование и пару пациентов. Практикую у себя на дому. Я просто интроверт. У самого в голове полно проблем. Не могу себе позволить лечить людей, зная, что самому нужен мозгоправ. Давление, говоришь, у тебя скачет?

– Есть такое. И боли головные.

– Это надо, конечно, лучше на нормальных приборах посмотреть. Но пока и так справимся. Если хочешь, потом попрошу папу, он купит мне всё необходимое, а я гляну, что с тобой. Сколько тебе лет?

– Пятнадцать.

Тимофей взял из шкафа книгу, пролистал содержание. Не как доктор. Скорее, как школьник. Выглядел он молодо. Таким бы докторам ни за что не доверяли.

– Я надеюсь, ты не боишься меня? А то я расстроюсь, – попытался разбавить обстановку Тимофей.

– Не шутите. У вас плохо получается, – еле-еле справляясь с головной болью, ответила Соня.

– Можешь обращаться ко мне на ты. Давление померяем? Соня ещё раз недоверчиво взглянула на Тимофея и завер-

нула широкий рукав, показав невольно все свои порезы.

– Не говори ничего по этому поводу. Я сама разберусь, – сразу предупредила девушка.

– Хорошо, – тут же принял это во внимание Тимофей и больше не касался этой темы.

Он провёл своё обследование. У Сони просто разрывалась голова. На улице начинался ливень.

– Можешь пока лечь. Я сопоставлю результаты. Хорошо бы ещё сделать анализ крови. Но, вижу, ты совсем плохо себя чувствуешь. У меня есть хорошее лекарство. Оно должно помочь. Импортное. Эксклюзивной поставки. У тебя есть аллергии на что-нибудь?

– Не знаю. Вроде бы не было, – ответила на вопрос девушка, а потом добавила свои мысли по поводу этого лекарства. – Дорогое? У меня пять тысяч всего с собой.

– Я ничего не говорил про деньги. Просто скажи, ты согласна быть моей пациенткой? По-другому я отказываюсь работать. А если ты будешь моей пациенткой, то никакой дружбы. Я эти понятия не мешаю. А тем более отношений. Так что?

– Идеальное решение. Я согласна, – чисто от безвыходности согласила девушка.

– Тогда заполняй форму, – Тимофей достал бумаги с печатью.

– Можно сначала снять боль? – уже умоляюще сказала Соня. – А бумаги пусть Лера заполнит.

Тимофей пожал плечами и вышел из кабинета. Он передал бумаги Лере и вернулся к своей пациентке. Он прошёлся глазами по журналу. Потом как-то профессионально вздохнул. Надел халат. Вытащил пару перчаток. Костяшками поправил очки в тонкой оправе. Зашёл в дверь, которую нельзя просто так разглядеть с первого раза. Вернулся оттуда с подносом. Из той комнаты сразу повеяло спиртом. Чем-то таким противным.

– Какой угрожающий запах. И твой вид, – заметила Соня.

– Ты же сказала, что не боишься меня. И попросила избавиться от боли. Я что-то делаю не так?

– Да всё так. Что ты собираешься делать? Лечить? Скрывать симптомы? Просто дать мне забыться?

– Я могу зачитать тебе этот абзац из учебника, если хочешь. А можешь просто выпить таблетки и отдохнуть здесь.

– А ты, видимо, добрый доктор?

Соня взяла таблетки с подноса. Из кулера Тимофей налил ей бокал воды. Они улыбнулись друг другу. Тимофей оставил Соню одну. А сам вышел к Денису и Лере. Он надеялся, что они помирились за это время.

– Верни ключи, – злобно сказал Денис сразу, как только Тимофей вышел из кабинета.

Парень кинул ему ключи с брелком в виде бесконечности. Лера отдала Тимофею бумаги и хотела уже ворваться к Соне. Но молодой доктор остановил её. Посадив назад, на диванчик. А потом окликнул Дениса, чтобы тот подошёл к нему.

– Я хотел попросить прощения у вас обоих за то, что испортил вам отношения, – собрался и сказал Тимофей.

– При чём тут ты? – сразу же возразила Лера.

– Действительно! Ты же не строишь из себя обиженную школьницу? – негативно поддержал Денис Леру, в первую очередь унижая её саму.

– Кто тут ещё обиженная школьница! Ты меня из лужи облил!

– А ты меня везде заблокировала! Не кажется, что это глупо? А если нужно будет сообщить важные новости? Могли бы разойтись и по-хорошему.

– С тобой нельзя по-хорошему. Ты меня и за человека не считаешь!

– На каких основаниях ты сделала такие выводы? Я, считай, ничего не сделал. Просто предложил. Я тебе не изменил. Я тебя не избил. Я дарил тебе подарки. И при этом не контролировал каждый твой шаг. Не звонил каждую минуту! Я не понимаю такой ненависти.

– Может, потому что тебя не хотели купить, как вещь?!

– Люди, зарабатывающие на этом деньги, тоже люди!

– А чего ты так защищаешь проституцию? Сто тысяч подружек с этой профессией?

– Лера, давай расстанемся! Я не могу больше слушать твой бред!

– Правильно! Во мне твои речи тоже не бабочками разлетаются.

Денис рассерженно вышел из дома друга. Тимофей только услышал, как заводится машина. Лера отвернулась, скрестив недовольно руки.

– А если он сейчас не справится с управлением и разобьётся. На улице вон какой ливень! Какие вы всё-таки, – Тимофей махнул рукой и поднялся на второй этаж, где заперся в своей комнате. Лера зашла к своей сестре тоже вся на взводе. Все её старания отвлечься от Дениса вчера, превратились в сгусток негативных эмоций сегодня.

– Вы расстались? – спросила Соня, которая избавилась от головной боли и наслаждалась этим полусонным состоянием.

– Да. Но лучше бы мы с ним вообще не встречались!

– А с Тимофеем? Начни встречаться с этим крутым доктором, чтобы отомстить Денису.

– Когда это ты стала такой мстительной. Я вызвала такси. Поедем домой.

– А на крутой тачке нас больше не покатают? Как жаль. А я так надеялась прокатиться перед одноклассниками, чтобы у тех челюсти поотваливались. Но раз не судьба, так не судьба. Больно нужен твой Денис, с огромным состоянием, крутой машиной, классным парфюмом, дорогими подарками. Может, мне всё-таки с ним замутить? А что? Я не хуже тебя. Да и гены у нас, должно быть, схожи, – не могла остановиться говорить Соня, которая просто была счастлива внутренне, что больше не испытывает физического дискомфорта.

форта.

– Не носи чушь. Такси в такую погоду подорожало в три раза. У тебя есть деньги?

– Для тебя найдутся. И я должна тебе признаться. Я дала Тимофею твой номер. Прости.

– Это уже ничего не значит. Мы больше не будем связываться с этими богатыми неблагодарными людьми.

– Вообще-то будем. Тимофей теперь мой доктор. Я его пациентка. И ты подписала бумаги. Я не хотела тебя нервировать, но такой шанс даётся лишь раз в жизни.

– Как с тобой сложно! Собирайся. Пошли. Машина почти подъехала, – пожалела Лера, что приютила у себя сестру.

Почти у выхода девушек догнал Тимофей и подал зонтик. На улице лило как из ведра. А ещё на улице стало прохладно. Он проводил их до дверей подъехавшей машины и вежливо попрощался. На его лице не было ни печали, ни радости. Он проводил их взглядом, понимая, что чувство вины за отношения Леры и Дениса внутри него только нарастает. И без должной помощи он напьётся до потери пульса.

11.

Водитель ехал очень медленно. Леру это напрягало. Она хотела поскорее закрыться в своей комнате, включить самый плаксивый сериал, взять в руки бутылочку пива с сырком-косячком и просто рыдать, сжигая распечатанные фотографии.

– Можно быстрее ехать? – спросила грубо Лера.

– Вы видите, что на улице творится. Я не горю желанием попасть в аварию. У меня жена и сын.

– А у меня время, которое ваши родственники мне не вернут.

– Вы так говорите, будто у вас нет родных?

– Может, и нет! Вы представляете, насколько это бестактный вопрос? – вываливала своё недовольство Лера на всех вокруг.

Когда водитель привёз пассажиров на место, Лера со злостью и недовольством обратилась к Соне:

– Заплати, пожалуйста. А вы, водитель Анатолий, раз не справляетесь со своей работой, ничего не знаете о элементарных правилах морали, то ищите профессию, где не надо контактировать с людьми! – Лера с ещё большей агрессией вышла прямо под проливной дождь, ненавидя его всё больше и больше. Воспоминания о том, как этот самый дождь мог довести её до пика радости, смылись водой глубоко под землю. Смылись как вся романтика этого мира, выращенно-

го под дождём взаимной ненависти, предательства, эмоциональной нестабильности.

Водитель Анатолий взял у Сони пятитысячную купюру, ничего не ответив Лере. Отсчитал из своего кошелька сдачу. Вернул её Соне. А после, также не спеша, поехал по дороге, которая наполнялась водой, не успевающей уходить в плохо сконструированные водоотводные системы.

Анатолий остановился около здания библиотеки. К нему быстро из-под крыши прибежала молоденькая девушка, с яркими красными волосами, очками, в чёрной оправе, на которых остались капли от дождя. Девушка сразу кинула рюкзачок на заднее сиденье, вытерла с лица воду и тут же без слов начала целоваться с водителем. Она одной рукой сняла очки, чуть не сломав душку, и мокрыми холодными руками вцепилась в голову Анатолия. Его короткие волосы были почти полностью седые. Не говоря уже о том, что возраст водителя уже давно перевалил за пятьдесят.

– Толь, сегодня ужасная погода. Я так замёрзла. Согрей меня. Я так скучала, – сказала девушка, убирая свои красные волосы назад, показывая свою хрупкую шею.

– Ника, я ждал сегодня весь день нашей встречи, – ответил водитель.

– Может, ты оставишь свою жену. Разведись с ней, – увлечённо говорила девушка, невольно прищуриваясь, чтобы лучше видеть.

– Конечно. Ради тебя всё, что угодно, – захваченный в

ПЛЕН ЭТОЙ МОЛОДОСТИ, КРАСОТЫ И ВОСХИЩЕНИЯ ОТ ДЕВУШКИ, ГОВОРИЛ АНАТОЛИЙ. ЕМУ ОЧЕНЬ ЛЬСТИЛО СТОЛЬ ОСОБЕННОЕ ВНИМАНИЕ ОТ МОЛОДОЙ ДЕВУШКИ, КОТОРАЯ НА КИЛОГРАММ ТРИДЦАТЬ БЫЛА ЛЕГЧЕ ЕГО ЖЕНЫ, КОТОРАЯ НЕ ПИЛИЛА ЕМУ МОЗГ ПО ВСЯКИМ МЕЛОЧАМ, КОТОРАЯ ОБЕСКУРАЖИВАЛА СВОЕЙ СМЕЛОСТЬЮ. ОНА ПОЛУЧАЛА МНОГО ВНИМАНИЯ ОТ СВЕРСТНИКОВ. КРАСНЫЕ ВОЛОСЫ ПРИВЛЕКАЛИ МНОГИЕ ЛИЧНОСТИ К ЭТОЙ ДЕВУШКИ, НО ОНА ВЫБРАЛА ЕГО. ВЫБРАЛА, ЗНАЯ, ЧТО У НЕГО ЕСТЬ СЕМЬЯ, ЧТО ОН НЕ ТАК УЖ И МНОГО ЗАРАБАТЫВАЕТ.

Они целовались в машине под раскаты грома, под барабанивший дождь. Это пламя и дым. Это разгорающаяся молодость и уже перевалившая за пол века судьба, пережившая и первое свидание, и свадьбу, и рождение сына, и потери, и тысячи, десятки тысяч ничего не значащих событий. Она целовала его со страстью, пока он пытался просто поддерживать её юное влечение. И всё это прервал его телефонный звонок. Анатолий поднял телефон, поднёс его к уху и ответил:

– Да, сынок. Что такое?

На этих словах Ника отвернулась от водителя. Отвернулась к окну. Закатила глаза и сложила руки, выражая недовольства.

– Хорошо. Сейчас подъеду.

Анатолий отключил звонок. Он посмотрел на обиженную девушку. Попытался оправдаться:

– Это мой сын. Я не могу его бросить, понимаешь?

– Нет! Не понимаю! Ради меня ты бы от него не уехал! Я

хочу значить для тебя больше, чем семья.

– Не обижайся. Я просто отвезу его из больницы домой. Ты не успеешь даже выпить кофе.

– Какой ещё кофе? – спрашивала Ника, вытирая стёкла своих очков.

Анатолий достал из кошелька пятитысячную купюру. Протянул её Нике. Та взяла её двумя пальчиками, как самую грязную вещь во всём мире. Хотя, если быть честными, пятитысячные купюры не так уж часто ходят по рукам. Анатолий довёз её до миленькой кафешки. Высадил. А сам поехал к своему сыну. Он припарковал машину и поднялся в больницу, где его сын сидел в коридоре. Отец дружелюбно толкнул его в плечо и тихо спросил:

– Что случилось?

– Моя подруга порезала вены, – отвлѣкшись от телефона, ответил Кирилл.

– Это какая? Вчерашняя? – уточнил Анатолий.

– Она самая. Врачи сказали, что она скоро придѣт в сознание. Не хочу оставлять её одну.

– Ну, правильно, правильно. А что случилось то?

– Да как я понял, она с бывшим повздорила, а потом этот её бывший скрылся. Я хотел ему рожу набить, а тут Марта уже без сознания. Ну, я с ней и поехал на скорой. Хотя вроде и знаю её не больше суток.

– Красивая?

– Безумно. Она такая особенная. Она чистое искусство. И

при этом я никто для неё.

– Вы знакомы один день. Чего ты хочешь?

– Любовь с первого взгляда, – по-юношески заявил Кирилл.

Кирилл поднялся и зашёл в палату. Он запрыгнул в машину скорой, когда та уже собиралась уезжать и представился парнем. Но когда ему начали задавать вопросы, то он смог сказать только имя. Он ничего не знал о пациентке этой больницы.

Марта пришла в себя. Она открыла глаза, не понимая, где находится. Но ей хватило и пары минут, чтобы найти силы. Она поднялась, вырвала из руки капельницу и хотела уже выбежать. Но Кирилл поймал её, почти летящую из замкнутого пространства. Он насильно положил её на койку, придавливая за плечи, боясь касаться её травмированных рук.

– Успокойся. Успокойся, – начал Кирилл, получая от девушки слабые удары по лицу. Но, несмотря на это, царапая почти до крови его ногтями.

– Пусти меня. Я должна быть с художником! Я должна быть его частью!

– Марта. Хватит. Успокойся. Позовите доктора, – продолжил Кирилл. На шум пришли специалисты. Они смогли утихомирить Марту. Но не без лишнего вмешательства. А после они привязали её руки. И Кирилл начал спокойно гладить её волосы.

– Ты безнадежна. Я о тебе ничего не знаю. Ты безум-

ная наркоманка, с проблемами с головой, являющаяся искусством.

– Я не наркоманка, – погружаясь в сон говорила Марта, еле-еле пытаюсь освободиться от оков.

– У тебя наркотики в крови нашли. Кого ты пытаешься обмануть? Первого встречного, с которым так просто переспала.

– Я думала, ты великий человек. Я думала, ты художник. А ты обманщик. И я даже имени твоего не помню.

– Кирилл, – терпеливо представился парень ещё раз.

– Мой художник мне никогда не врал. Он говорил в лицо всё, что думает...

Кирилл продолжил гладить её волосы, смотря, как девушка засыпает. Снова. Он хотел кусать локти. Как же он ненавидел этого художника, который просто заполнял весь мозг Марты. Она просто помешана на нём. Почему? Почему он так важен для неё? Он ведь так грубо, так жестоко сказал, что не желает с ней быть. Почему эта прелесть до сих пор хочет к нему. Он бросил её умирать. Он оставил её на полу. И ради него Марта чуть не потеряла свою жизнь?

Кирилл просидел около неё ещё чуть-чуть. А потом вернулся к отцу. Тот увидел лёгкие царапины, увидел убитый взгляд сына.

– Домой? – неуверенно спросил Анатолий.

– Да. Мама должна была уже разобраться со своими делами. Мне кажется, я не смогу вытащить её. Она слишком

возвышена для меня. Может, стоит оставить всё так. И найти кого-то попроще?

– Кир, ты чего? Девушки любят героев. Добивайся.

– Ты долго добивался мамы? – спросил Кирилл.

– Ну, даже не знаю. Тогда время другое было, – ушёл от вопроса отец. – Поехали? А то что-то я с тобой в свой график не укладываюсь. В убыток, получается, работаю.

Кирилл сел в машину к отцу, успев промокнуть, пока дошёл до двери. Он сразу увидел рюкзак на заднем сиденье:

– Клиентка забыла?

– О, точно. Надо будет как-нибудь вернуть, – не растерялся Анатолий.

– Захочет, сама тебя найдёт. Поехали. Хочу узнать, смогла мама отыграть миллион или нет.

Анатолий бессознательно пожал плечами. Он хорошо играл в эту игру. Слова сына его не цепляли. Он не считал себя виноватым. Что стоит измена после двадцати пяти лет совместной жизни? Она, даже если узнает, ничего не сделает. Её мечта сохранить брак до конца своих дней.

– Мам, что на ужин? – с порога спросил Кирилл, быстро пройдя в ванную, чтобы помыть руки и вытереть от дождевых капель лицо.

– Я поставила курицу запекаться. Будет готова через час, – ответила женщина, которая была одета не как с утра, официально и строго, а по-домашнему, в фартуке с цветами. И лицо её стало красным от духоты на кухне.

– У меня ещё несколько вызовов. Но я думаю, что успею к ужину, Наташенька.

– Буду с нетерпением ждать, – улыбаясь и выйдя в коридор, сказала женщина, с наслаждением глядя на мужа. Анатолий сбежал от этого взгляда. За столько лет ему стало от него тошно.

12.

Он приехал к Нике, которая хорошенько так потратилась с этих пяти тысяч.

– Сказал, что один кофе, а я дождалась салат и суп. Ты будешь есть?

– Нет, Наташа ужин приготовит.

Ника цокнула и, закатив глаза, отвернулась. Она помешала в своей тарелке, не глядя, ложкой. Отломилась маленький кусочек хлеба и недовольно высказала:

– Значит, сегодня ничего не выйдет? Как обычно?

– Ну, так получилось, – объяснился водитель такси.

– А если бы развёлся бы с ней, то таких проблем бы не было. У вас взрослый сын. Его это не добьёт. Он должен понимать. Всё только от твоего желания зависит. А ты просто не любишь меня!

– Я люблю тебя, Ника.

– Отвези меня тогда в магазин. Сделаю покупки и сама дойду до дома. Куплю красного вина. Надену кружевное белё. Покрою клубнику сливками. И проведу всю ночь одна.

– Прости, – огорчённо сказал Анатолий. Но он выполнил все просьбы своей девушки. Остановил её около магазина. Максимально близко, чтобы та не слишком промокла. И медленно и аккуратно отъехал так, что на Нику не попала ни одна капля.

Девушка зашла в магазин. Её кожа покрылась мурашками от холодного воздуха. Она набрала себе продуктов, залипая в телефон, проходя по только что помытому полу, не уступая места работнику с коробками и беря прямо из подноса других покупателей. Ника знала себе цену. Она запросто могла отсудить свой товар по акции и послать старушку, которая лезет без очереди с бутылкой масла. Но в такой дождь покупателей было особенно мало. Конфликтовать было особо не с кем. Но Ника нашла минус. Перед ней на кассе расплачивалась женщина в олимпийке. Она пробивала бутылку водки. И ей не хватало. Она безнадежно хлопала и лазила по карманам своей грязной одежды, пытаясь найти то, чего не было. Ника не выдержала и отойдя на приличное расстояние, чтобы не чувствовать запах перегара, произнесла:

– Вы в курсе, что сначала надо заработать, а потом покупать?

– А ты чего тут развизжалась! – пьяным заплетавшимся языком, шатаясь, сказала женщина.

– Извините, можете позвать охрану и вывести её на улицу? – обратилась Ника к кассиру.

– Себя выведи, ведьма красноухая, – не уступала и пьяная женщина.

– Не говорите со мной. Идите на улицу. Протрезвейте под дождём.

– Никуда я не пойду! Пока не куплю то, что мне надо.

– Тогда откройте вторую кассу! Я не собираюсь ждать, по-

ка вам с неба прилетят незаслуженные пять копеек!

Женщину вывел из магазина охранник. Под натиском и скандальностью Ники персонал магазина не мог устоять и возразить. Ника была постоянной покупательницей. И на неё, приличную особу, магазин делал большие ставки, чем на кочующую пьянь.

13.

Пьяная женщина оказалась под дождём. Все её попытки возразить и сопротивляться были пресечены. Не имея в кармане даже минимального количества средств, эта женщина решила, что пора напомнить своим детям, о ней. Рассказать, с какими муками они появились на свет. И напомнить, что это их обязанность ухаживать за престарелыми родителями.

Женщина, больше похожая на мужчину, шла под дождём, качаясь из стороны в сторону. Её кожа была покрыта пятнами от лопнувших сосудов. Она была сильно высушена. Она не ела. Только пила. Днями и ночами. Пила до состояния, пока не пропила почти все деньги. Она зашла в подъезд приличного дома вместе с курьером. Поднялась на нужный этаж и зажала кнопку звонка. Она её не отпускала. Так и звонила целую минуту. Потом она заметила, как в глазке двери промелькнул свет, а после началось какое-то шевеление. Она отпустила кнопку звонка и поднесла свой глаз к этой выпуклой стекляшке в двери. А за дверью Соня, увидев мать, как можно тише пробралась в комнату к Лере, которая всё это время сидела в наушниках, с бокалом вина и обсуждала с подружками по сети последние новости. Соня подползла снизу, чтобы не засветится на камере и ткнула Леру пальцем. Та сняла наушники и посмотрела на сестру:

– Чего тебе? – недовольно спросила сестра.

– Там мама, – прошептала Соня.

– Кто? – переспросила Лера и встала из-за компьютера.

С экрана ей тут же начали что-то кричать. Но звук был в наушниках, поэтому эти слова остались засекречены. Лера подошла к двери и посмотрела в глазок. Она закатила глаза. Потом посмотрела на Соню, которая спряталась за стенкой. Лера открыла дверь. И сразу же сказала, без приветствий и прочего:

– Фу, мерзость какая. Что надо?

– Соня у тебя? – со странным призывком спросила мать.

– У меня. Всё? Проверила? Можешь проваливать.

– Может, пустишь мать хотя бы домой? Я же не чужой человек.

– Не чужой человек пусть идёт и дальше ошивается со своими наркоманами и преступниками, оправдывая всё любовью.

– Я же твоя мать...

– Чего тебе надо? Денег? Наличкой нет. Могу перевести на карту. Если у тебя есть. Больше ничем помочь не могу.

– А я тебя рожала! Деньги на тебя тратила! Неблагодарная, – решила надавить на единственную свою заслугу женщина.

– Да-да-да. Что тебе? Бокал воды? Старость уже наступила? – саркастично спросила Лера.

– Впусти меня! – начала врываться женщина, с которой натекла целая лужа на пороге.

– Я сейчас позвоню отцу. У вас уговор. Ты не имеешь права ко мне приближаться, – кидаясь направо и налево словами отца, произнесла Лера.

Женщина тут же отошла. Дочь хотела уже закрыть дверь.

– Позови Соню. Дай мне на неё посмотреть, – опустив голову, сказала женщина.

Лера посмотрела в ту сторону, где пряталась Соня. Они обменялись безмолвными фразами, и Соня подошла к двери.

– Доченька. Хоть ты меня не бросай. Вернись домой. Твои друзья приходили, – сказала женщина, пытаясь переманить и заставить дочь подойти к ней. Приманивала своими речами, как мышь в мышеловку. Соня знала этот добрый тон. Стоит матери добиться желаемого, и она переменится. Но и отказаться было невозможно. Ситуация безвыходная.

– Дай я хотя бы тебя обниму. У тебя же, небось, болит голова из-за дождя. Иди к маме. Моя любовь всё вылечит.

– У меня ничего не болит. Всё хорошо, мама. Иди к себе. Я не вернусь. И они мне не друзья. И не смей им говорить, где я.

– Ну, хоть обними меня, – слишком дружелюбно попросила женщина.

Соня неуверенно вышла к ней. Женщина расставила руки в стороны. Соня неуверенно шагнула к ней. И ловушка захлопнулась. От перегара у Сони закружилась голова. Стало невыносимо неприятно. Ей хотелось зажать нос от такого

запаха. А потом эта женщина потянула Соню к лестнице:

– Пошли домой, паршивка. Разгулялась! Забросила мать! – резко сменилась женщина, став из доброй феи злобой ведьмой.

– Отпусти, отпусти меня, – начала вырываться Соня.

Женщина дала ей пощёчину. И в эту сцену вмешалась Лера. Она с силой выхватила Соню, затащила её в квартиру и закрыла дверь. А женщина осталась одна. В коридоре. Постояла ещё пару минут и, ничего не добившись, ушла. На улице уже стемнело. Дождь закончился, но на улице всё равно были тучи. Женщина, добитая, безумно злая, готовая к любым унижениям ради тех недостающих рублей, села на лавочку на одной пустынной улице около круглосуточного ларька. Она уже хотела расплакаться, как в беззаботной юности, но тут ей улыбнулась удача в виде знакомой для неё компании из нескольких пацанов. Она окликнула их:

– Мальчики, а куда это вы мимо меня? Торопитесь что ли?

Пацаны тут же оказались около неё. Сели на лавку, на корточки, держа в руках сигареты и бутылки пива.

– Что, тётъ Шур, деньги закончились?

– А ты прям всё насквозь видишь! – игривым голосом сказала женщина. – Добавь по-дружески.

– Ага, я тебе рублики, а ты мне что? – ища во всём выгоду, спросил парнишка под небольшим градусом.

– Не хочешь, не давай. Где мой любименький. Где Кирюша?

– А вы что с ним? Замутили? Да? Слышал, Кир? Твоя дама просит заплатить за неё, – начали стебаться над другом все остальные в компании.

– Тётъ Шур, у меня девушка вообще-то есть, – ответил Кирилл. Подойдя к лавке сзади и сверху протянув женщине сто рублей.

– Как так? Измена? Измена средь бела дня? – вскрикнул тот, что начал разговор.

– Дань, сейчас ночь, – исправила парня, который так пафосно вёл переговоры, тётя Шура.– Что за девчонка? С какого района? – тут же переключилась она на Кирилла.

– Я не знаю, – уныло ответил Кирилл.

– Значит, как обычно. Девушка на один день, – сделала вывод тётя Шура.

– Нет, – уверенно ответил Кирилл. Даже с напором. Эти слова его задели.

– Тогда где же она? Исчезла? Как галлюцинация? Может, пора завязывать с вещами? С ума ведь сойдёшь, – провоцировал друга Даня.

– Ты же сам вчера её видел. Она ходила почти голой по улице.

– Оу. Тут точно пора завязывать, Кирюш, – смеялись друзья из этой шайки.

– Что вы к ней привязались? Она выше этого мира! – восторженно произнёс Кирилл.

– Ну да. И где она? Почему не с тобой? Может, делит кро-

вать с тем, кто ей больше заплатит?

– Да идите вы все! – не выдержал Кирилл и обиженно ушёл.

14.

Парень вдруг понял, что Марта действительно может стать девушкой на день. Сейчас её переведут неизвестно куда, и Кирилл потеряет её навсегда. И он так не станет для неё героем. И она не полюбит его никогда.

Алкоголь в его крови кричал об обратном. Сейчас не время всё бросать. Поэтому Кирилл, полный уверенности в себе, побежал к месту, где последний раз видел Марту. Ночью в больницу не так уж и просто попасть, на самом деле. Двери закрыты. Больные спят. Охранники на то и охранники, чтобы вот таких героев не пускать.

Кирилл обошёл больницу кругом потому, что перелезть через забор – очень просто. Залезть внутрь – тоже не так уж и трудно. Главное – найти трещину или доверие. Кирилл забрался на выступающую часть. Потом полез по уровню второго этажа, к приоткрытому окну, где мелькал маленький огонёк. Кирилл тихонечко кашлянул, зацепившись за раму окна.

– Окошко откроете? – обратился Кирилл к человеку, который курил и выдыхал дым в старую форточку.

– Это ещё зачем? Не буду я в больницу посторонних пускать. Это не проходной двор, – не сильно удивился курильщик.

– Да вы не поняли. Я просто лунатил. Мне нужно в палату

вернуться, – решил приукрасить действительность Кирилл.

– Ты, лунатик, как вышел тогда?

– В том то и дело, что я не помню, – продолжил выкручиваться Кирилл, понимая, что после недавнего дождя стены больницы сырые и его ноги начинают скользить.

– Ладно, – согласился пациент больницы и впустил Кирилла. И лишь потом заметил, что Кирилл вовсе не в пижаме. Но делать что-либо было поздно. И Кирилл без проблем нашёл палату Марты. Он тихо зашёл. Посмотрел на девушку. Она спала. Её руки были привязаны. Волосы рассыпаны по всей подушки. Ноги тоже были зафиксированы. Кирилл тихо достал нож и начал перерезать верёвки. Марта что-то бормотала. И Кириллу казалось это безумно милым. Он освободил её от верёвок и попытался разбудить. Девушка поднялась, села на койку и куда-то вперёд, в пустоту, сказала:

– Зачем ты портишь мой сон, смертный?

– Я пришёл тебя спасти, – прошептал Кирилл.

– Спасти? От чего?

– От отчаяния.

– Я хочу спать. Давай оставим спасение на завтра. К тому же я не вижу смысла спасать меня. Станет хуже. Уходи. Кто бы ты ни был, – отмахнулась пациентка.

– А если я верну тебе художника? – решил пойти с козырей Кирилл.

– Мне он, конечно, нужен. А я ему нет. Смысл нам вновь встречаться?

– Я сделаю всё, чтобы ты чувствовала себя нужной и любимой.

– Мне не надо этого. Мне нужен сон. Сейчас.

И Марта легла назад. Тут же закрыла глаза и тут же заснула. Но Кирилл не собирался сегодня сдаваться. Он взял девушку на руки. Ещё раз удивился насколько она лёгкая. Болезненно лёгкая. Он пронёс её по пустому коридору. Больные спали. Да и Марта на его руках спала. Он поднёс её к окну, через которое залез сам. Но это был второй этаж. Снаружи тонкий мокрый выступ. Вряд ли Марта сможет устоять.

– Послушай. Ты же можешь выбраться? Сможешь спуститься со второго этажа? – попробовал вновь разбудить девушку Кирилл.

– Второго? Это не разобьёшься толком. Покалечишься. Инвалидом останешься. Давай на крышу заберёмся. Там шансы возрастают.

– Нам не надо разбиваться. Я сейчас слезу. А потом помогу тебе. Поняла?

– Угу, ответила Марта, облокотившись о стену. Она засыпала не по своей воле. И отдалённо понимала, что в таком состоянии ничего хорошего не случится. Кто-то пострадает. Но с другой стороны, что ей терять? И пока Кирилл вылезал в окно, она с надеждой смотрела туда, где нет стен. Потом он свистнул ей. Она подошла ближе. Взглянула вниз и уверенно шагнула на улицу. Она выбралась и осталась стоять на этом небольшом выступе, пытаясь выстроить свои даль-

нейшие шаги. Но в голову ничего не лезло. Она поняла, что нужно как-то перебраться на первый этаж. Стоит опуститься. И как только она начала менять своё положение, её правая нога соскользнула и она полетела вниз.

Полёт был недолгим. Она даже не успела насладиться этим чувством. Кирилл её поймал. Но свалился сам и расцарапал локти об асфальт. Марта поднялась. Осмотрелась. Взглянула на травмированного спасителя.

– Ничего не сломал? – спросила Марта, сама не понимая зачем. Какая ей разница на целостность этого человека.

– Я цел. Ты как?

– Спать хочется, – сказала Марта и, недолго думая, улеглась на мокрый асфальт, подложив руки под голову.

– Не лежи на холодной земле, – наклонился к девушке Кирилл. После чего он попытался её поднять. Но травмированные руки дали о себе знать. И он продолжил с ней просто говорить:

– Давай хоть до лавочки дойдём. Или до дома. На улице холодно. И сыро. И дождь вот-вот начнётся. Да и охранники нас сейчас поймают.

– Я не пойду к тебе домой. Там твои родители. А ещё у тебя очень много стен. У тебя тесно в квартире. Я никогда туда больше не пойду, – поняла, кто её спас, Марта.

– Может, тогда к тебе домой? – предложил Кирилл другой вариант.

– У меня нет дома. Нет документов. Нет ничего. Ни одеж-

ды, ни родственников, ни денег. А ты вытащил меня из больницы. Меня там кормили. Там не было дождя...

– И любви, – добавил парень. – Ты сама хотела сбежать, когда очнулась. Так что не так сейчас?

– Не вижу своего будущего. Не знаю, что делать. Боюсь существовать без художника, – заявила Марта, уходя в свои мысли, засыпая под мелким дождём.

– Доверься мне, – подал руку Кирилл, помогая девушке встать. Он обнял её. В такую погоду её волосы стали ещё пышнее. И от них веяло чем-то тёплым. Безумно родным и вечным.

Марта оказалась лицом в рубашке Кирилла. Она безнадежно боролась со сном. Но даже стоя на ногах, её клонило в мир, где нет забот и проблем, где можно умереть и остаться живым. Кирилл стоял ночью, держа около сердца яркое солнце. Солнце, у которого больше не было сил.

Не смотря на просьбы Марты, Кирилл привёл её к себе домой. Полусонная девушка не особо всматривалась в окружающую обстановку. Кирилл положил её на кровать, к стенке. Накрыл одеялом. Лёг рядом с ней. И с особой сладостью заснул. Хотя этот сон был недолгим. Отец куда-то ушёл с самого утра.

15.

Анатолий направился к Нике. Вот так просто, по-тихому сбежав от жены. Его работа всегда позволяла ему оправдываться, поэтому он даже не думал, что его когда-нибудь так раскусят. Его жена не очень требовательна, в отличие от любовницы. Вот Ника вполне могла и не пустить его даже на порог, потому что она знает себе цену. И даже если слёзно просить её на коленях, обещая взамен кольца с бриллиантами, она скажет, что подумает и закроет дверь.

В этот раз Ника даже открыла не с первого раза. Хотя кто бы в шесть утра открыл с первого раза. Нику пришлось ждать полчаса. Зато открыла она при полном параде. Ни одного намёка на то, что она спала. Идеально уложенные волосы. Ровный тон кожи. Но Анатолий не слишком и вглядывался в лицо. Кто вообще будет смотреть в глаза, если девушка открывает дверь в роскошном нижнем белье?

– Это ты опоздал или пришёл слишком рано? – остановившись в дверях и не давая гостю пройти ни туда и ни сюда, спросила Ника.

– Ты слишком долго открывала дверь, – неуверенно произнёс водитель.

– Правда? Какая я нехорошая. И что же ты сделаешь? Накажешь такую плохую девочку? – заигрывала и дразнила Анатолия Ника.

– Ещё как накажу, – предчувствуя зверское возбуждение, чуть ли не облизывался Анатолий.

Ника, искусно виляя бёдрами, прошла вглубь квартиры. Анатолий спешно разулся и прошёл за ней. Девушка красиво легла на кровать, утопая в шёлке. Анатолий с ходу снял с себя рубашку с коротким рукавом. Опустился на кровать, которая тут же его поглотила. Потому что Ника ценила свой комфорт. Она не довольствовалась малым. И по сравнению с кроватью, на которой Анатолий спал с женой, эта была райской, похожей на облака. И просто от её запаха, от её ощущения можно было словить такие шикарные чувства, что отказаться от любых отношений, было бы логично. И в этой кровати, пока Анатолий расслаблялся, Ника подогревала его поцелуями. Она будто разблокировала этими действиями своего партнёра. Заводила мотор его сердца. Оно, потрепанное временем, начинало биться чаще. И для него – это явно не самое лучшее. Так разгонится однажды и остановится. Развалится на части. И Ника пафосно напишет на стене в соц. сети: « Ещё одно сердце не выдержало моей любви». И получит тысячи лайков от неизвестных ей мужчин. А может и от женщин. В интернете Ника имела много поклонников. А в жизни – нет. В реальности она читала книги в библиотеке, помогала детям подготовиться к экзаменам, получив год назад хорошие результаты за эти же экзамены. А потом раздевалась перед камерой, получая наслаждения от разговоров со взрослыми мужчинами. Она ценила этот опыт от их жиз-

ни. Она выслушивала комплименты, нелепые истории и часто выступала, как психолог, давая неработающие советы. И при этом она чувствовала свою безопасность. Грубость, давление, недовольство – и она выключала камеру.

Ника брала инициативу на себя. Анатолий лежал на спине, наслаждаясь в первую очередь кроватью, а уже потом молодым телом, которое в эти утренние часы было сверху. Красные волосы Ники поднимались, как проснувшиеся солнце. Её спина выпрямлялась и позвоночник, изящно пробивавшийся через тонкую кожу, будто лился водопадом, от того солнечного пожара до глубины, до конца. И Анатолий мог видеть Нику с любого ракурса. Огромные зеркала стояли по всей комнате. Блуждал между ними солнечный луч, который пробился сквозь тучи. Этот луч проскакивал по обнажённому телу Ники. Он был словно выстрелы на поле битвы. Ника была войной, которая сражалась со старостью, с угасающим сознанием. А Анатолий ей лишь поддавался. Он знал, что победа не на его стороне. И он знал, что даже после её феерического выхода с победными гимнами, флагами, оркестрами, ничего не изменится. Что бы она ни говорила после, она ничего не сделает. Сколько бы раз он не сказал, что разведётся с женой, он этого не сделает. Хотя бы из-за того, что пока на нём скачет молодая девушка, он невольно думает о жене.

Прошло не больше пяти минут. Ника была не против. Ей этого хватило. Вместо утренней зарядки. На улице всё снова

заволокли тучи. Начался очень мелкий дождик. От такого и не намокнуть толком и сухим остаться нельзя. Ника включила телевизор и приготовила кофе. Утренние новости были самые информативные для девушки. Показали, что где-то обостряется политическая ситуация. Кто-то выиграл какой-то конкурс, страшную аварию и потом местные новости. Где не на последнем месте была новость о том, как девушка попыталась убить себя на выставке современного художника, который, разбив раму, перекрасил свою же картину.

– Какая же она жалкая, – с презрением сказала Ника, прослушав данный сюжет.

– Разве? Может, просто сумасшедшая? – спросил Анатолий, наслаждаясь атмосферой Никиного дома, ароматом Никиного кофе и самой Никой.

– Нет. Просто жалкая девчонка, помешанная на парне. А через два дня полностью забудет его и начнёт новые отношения.

– Ты не такая?

– Я не привязываюсь к людям. Как ты, например. Бросил бы уже, наконец, свою жену. Я вообще-то тоже неплохо готовлю. И отговорка по типу «Она приготовила ужин» больше не сработает. Хочешь, я буду тебе готовить. Собирать перекус на работу. Зачем тебе она, если есть я? Не думай, что я дикий собственник и не смогу делить тебя с другой женщиной. Просто я не понимаю, почему ты ставишь её на первое место, а не меня. Я же лучше.

– Давай поговорим об этом позже. Мне пора работать. Люди собираются на работу. Им нужна машина, – взяв телефон и надев на себя снятую недавно одежду, сказал Анатолий и вышел из квартиры, не дав Нике даже проводить его хотя бы взглядом.

Мужчина не убегал от истины. Просто не мог принять свою неверность и подлость. По высланному адресу Анатолий подъехал к клубу. Отписался заказчику. Он часто развозил тусовщиков по утрам. Они выползали из клуба, если уже не сидели около него. Анатолий недолюбливал таких клиентов. Грязи от них много. И запах не всегда приятный. А с другой стороны, что им остаётся?

16.

Сегодняшний рабочий день Анатолия начался с молодого человека, который вылез из дорогой крутой тачки, припаркованной прямо у клуба. Это был Денис. И он просто не мог уехать, ведь незапланированно напился.

– Куда едем? – спросил Анатолий, когда Денис сел в машину.

– На вокзал, – грустно произнёс парень.

Больше Анатолий не задал никаких вопросов. Ни к чему лишние слова. Юноша вызывал его, чтобы тот отвёз, а не разговоры вёл.

– Переводы принимаете? – в конце пути спросил Денис.

– Да, – профессионально, без лишних интонаций, подтекстов и слов, ответил таксист и, получив необходимую виртуальную сумму на свой счёт, хотел было уже уехать.

– Подождите. Можете довезти меня ещё раз. Через минут десять. Я заплачу за ожидание, – остановил Анатолия Денис. Получив положительный ответ в виде кивка головой, парень чуть ли не побежал на платформу, к которой подходил поезд. Из вагонов выходили люди. Но той, к которой Денис бежал, не было. Он напрасно всматривался в толпы людей с чемоданами. Людишки рассыпались в разные стороны, теряясь, находясь, ругаясь, прыгая на шеи родным и любимым. Её не было. Среди десятков людей, не похожих друг на дру-

га, безумно обычной путешественницы не было. Этот факт заставлял Дениса волноваться. Не мог же он чего-то перепутать. Остаётся лишь позвонить и узнать. Денис достал телефон и нашёл нужный номер.

– Кому звонить собрался? – спросила девушка, которая из ниоткуда появилась перед Денисом.

Денис поднял глаза и смущенный столь резким появлением ответил:

– Тебе.

– Ну, звони. Чего остолбенел?

Денис нажал на зелёную кнопку вызова и поднёс телефон к уху. У девушки зазвенел телефон в кармане куртки. Она достала и ответила:

– Да, Денис. Я уже приехала. На вокзале. Тебя жду.

– Я перед тобой, Лиза, – наигранно сказал парень.

– Денис! – радостно развела в стороны руки девушка, отпустив свой чемодан, и прыгнула обнять встречающего. А после срочно добавила, чтобы мысль не покинула её голову:

– Тебе нужно позвонить маме и сказать, что ты меня встретил. Она мне не поверит.

– Что ты такого сделала, что она тебе больше не верит?

– Вышла замуж, не сказав ей. Ты же в курсе. Она на меня в обиде.

– А на меня она как будто бы зла не держит? – возразил девушке Денис.

– Ты всего лишь уехал в другой город, когда она сказала

тебе этого не делать. А ещё она предупредила, что не потерпит рядом с тобой безмозглой девушки, которая позарилась на всё наше состояние. Что в этом такого? Ты же не женился в тайне от неё? Или я чего-то не знаю?

– У меня даже девушки нет. Какая женитьба. Поехали. У меня ожидание за такси идёт.

Денис взял у девушки чемодан.

– А почему ты не на своей машине? – спросила Лиза.

– Потому что я напился вчера.

– Так обрадовался моему приезду?

– Скорее расстроился.

– Ах ты! – Лиза подняла руку и тут же её опустила.

Лиза не стала продолжать. Любая её перепалка с Денисом, а по совместительству и с младшим братом, заканчивалась дракой. И сейчас, после довольно длительного расставания, она не собиралась доводить всё до крайности.

Уже в машине, когда Анатолий ехал от вокзала за город, Лиза сказала Денису снова:

– Позвони матери, а то она позвонит отцу.

– Я не могу ей позвонить. Я сейчас за рулём, – заметил Денис.

– Ты говоришь матери, что не пьёшь? – удивилась Лиза.

– А ты сознаёшься во всех попойках?

– Нет. Я просто не пью, – похвасталась девушка.

– Ты беременна? – выстраивал логические цепи брат.

– Нет. Просто это вредно.

– Почему ты мужа с собой не взяла?

– Собиралась сделать сюрприз. И это, кстати, основная причина, почему я здесь. Не так уж сильно я по тебе скучаю, чтобы просто взять и сесть на поезд и ехать больше пяти часов.

Анатолий довёз своего клиента до нужной точки. Получил необходимый перевод денежных средств и уехал. Денис открыл дверь своего дома. Первое, что бросалось в глаза, безумная чистота. Белые стены. Перила. Лестницы. Огромные окна.

– Где моя шкатулка? – спросила Лиза у брата, поставив прямо на входе чемодан.

– На втором этаже, в шкафу, около кубков.

Лиза поднялась наверх. Хоть дом и был очень светлым, но из-за сгущающихся туч на улице, в комнатах было мрачно. А в углах вообще темно. Лиза открыла стеклянную дверцу шкафа и вытащила свою шкатулку, которая пряталась за золотыми кубками брата. Эта вещичка заставила её кожу покрыться мурашками. От неё пахло старостью. Лизу особенно приводило в чувство восторга, что эта шкатулочка обошла руки матери. Ей саморучно её дала бабушка. И в этой шкатулке на цепочке в прекрасном оформлении, лежит любовный камень, заговорённый прапрабабушкой на вечное счастье. И сердце девушки чуть не остановилось, когда она открыла эту вещицу и обнаружила в ней пустоту. Камня не было. Лиза закрыла шкатулку, открыла снова, пытаясь убедить

себя, что это с её глазами что-то не так. Но камня не было. Лиза быстро сбежала по лестнице с шкатулкой в руках, нашла брата за кухонным столом, рассерженно поставила шкатулку на стол и обратилась к Денису, в процессе неаккуратно поправив чёлку, которая теперь торчала вверх.

– Где любовный камень? – закричала Лиза, открыв шкатулку и повернув её к брату.

– Был в ней, – недоумевая, сказал Денис и притянул к себе шкатулку.

– А сейчас где? Чего ты сидишь такой спокойный? Звони, выясняй. Своей уборщице, своим шлюхам! Верни мне мой камень! Я отдала его на хранение! Чтобы он не попал в руки матери! Денис! Меня уже начинает трясти! – устроила с дороги скандал Лиза.

– Успокойся. Сейчас разберёмся. Посмотри лучше, не выпал ли он? Сейчас по камерам посмотрим.

– Какие камеры? А если его украли два года назад? Это конец! Я не смогла сохранить память поколений, – начала загоняться девушка.

– Спокойно, Лиза. У меня убиралась всё это время только одна женщина. Она с агентства. Она знает про камеры. И я ей немало плачу. На неё подумать не могу.

– А на кого можешь! Кого ты ещё сюда водил?!

– Леру... – сделал вывод Денис.

– Так звони ей!

– Я не могу. Она меня заблокировала. Я у неё везде в чёр-

ных списках.

– Да что ж такое! Возьми, позвони с моего телефона. Если ты не найдёшь за эти двое суток мой камень, я тебя на органы продам! Я тебе все зубы выбью, чтобы у тебя на стоматолога до конца дней средств не хватило!

Лиза нервно прошлась по кухне. Выпила стакан воды. Посмотрела на брата, который вбивал в её телефон номер Леры. А в голове Дениса даже не было идей, как начать диалог с девушкой, которую он вчера бросил. Не мог же он так просто обвинить её в воровстве. Да и на расставание не она настаивала. Так обстоятельства сложились. Они могли бы в этот момент встречаться. Тогда какой ей смысл красть камень? Лера ответила на телефонный звонок:

– Ало. Кто это?

– Ты камень украла? – не придумав ничего дельного, спросил Денис, а Лиза схватилась за голову и начала под нос себе бормотать:

– Ну да, конечно. Вот так тебе и сознаются в воровстве. Чтобы ты на неё заявление накатыл. Идиот!

– Какой камень? – спрашивала Лера, и её слышал весь дом, потому что Денис поставил вызов на громкую связь.

Тут уже у Лизы не выдержали нервы. Она выхватила свой телефон и чуть ли не закричала:

– Любовный, тварь ты такая, камень! Который передавался из поколения в поколение! Который стоит больше, чем твоя душа!

– Вы, наверное, номером ошиблись, – ответила Лера и отключилась.

17.

После этого звонка к Лере сразу прилетел вопрос от Сони, которая подслушала и совсем не случайно:

– Кто звонил?

– Истеричка какая-то. Новости смотрела? Твою выставку по региональным новостям крутят, – быстро сменила тему Лера.

– Удивляюсь я тебе, конечно. Кто вообще смотрит телевизор в наше время? – смотря в телефон, поддержала диалог Соня.

– Я только не поняла. Видим же с тобой пришёл. А Марта ему кто? Но повёл он себя отвратительно. И тебя бросил. И её бросил.

– И не отвечает, – продолжила младшая сестра. – В сети после той выставки не появлялся, – заметила Соня, пролистав диалоги в телефоне.

– Волнуешься?

– Есть такое. Не знаю почему. Вроде и знакомы два дня от силы. Но люди же так просто не пропадают? Хотя он художник. Может, словил где-нибудь вдохновение.

– Или передоз.

– Думаешь, он наркоман? – подняла глаза Соня.

– Не знаю. Я лично его не видела. Лично с ним не говорила. Он же твой знакомый.

– Действительно. А я не умею определять, кто наркоман, а кто нет.

– Кто употребляет наркотические вещества...– попыталась развеселить Соню Лера.

– Лера, я не глупая. При мне он не употреблял!

Телефон Леры вновь зазвонил. И снова незнакомый номер. Лера ответила:

– Ало...

– Привет. Это Тимофей. Соня дала мне только твой номер. Я хотел сказать, что в воскресенье выбил для неё целую клинику, и буду ждать в семь утра на приёме. Я скину адрес. А ещё мне звонил Денис и сказал, что ты украла какой-то камень на цепочке. Он просил тебя связаться с ним.

– Хорошо. Я тебя поняла. Я пришлю тебе Сонин номер.

– Кому пришлешь? – тут же зашептала Соня нагло подслушивая разговор.

Лера попрощалась по телефону с Тимофеем. И тут же получила сотни вопросов от Сони:

–Кто звонил? Чего хотел? Зачем им мой номер?

– Звонил Тимофёй. Сказал, что будет ждать тебя в воскресенье.

– Ааа. Понятно. Круто, конечно. Почему ты отказалась с ним переспать? – неожиданно поинтересовалась Соня.

– Потому что это низко, – спокойно ответила Лера, которая отпустила эту ситуацию. А мысль о том, что её уже дважды за утро обвинили в воровстве какого-то камня, даже не

засела в её голове.

– А сейчас? Когда ты уже его увидела. Немножко узнала, что он за человек... Согласилась бы начать с ним отношения?

– Нет.

– Да почему? – не поняла Соня.

– Потому что он будет напоминать мне о Денисе. Он обязательно будет в его окружении. Разве это не ужасно?

– Я снова тебе всё испортила? – осознала положение вещей Соня.

– Нет. Всё хорошо. Не накручивай себя.

– Может, мне устроиться на работу? Всё равно лето. На твои отпускные мы вдвоём не протянем.

– Так... Ты со своим здоровьем и без работы с ног валишься. Давай отложим все эти мысли. Мы сильные и независимые. Предлагаю уехать за город. А то так всё лето насмарку.

– В такую погоду? Даже из дома выходить не хочется, – тихо сказала Соня.

– А я бы прям под этот дождик и в речку. Как в детстве. А потом сидеть бы с папой около костра, сушить ботинки, жарить хлеб на палочках. Ночевать в палатке. Без интернета.

– Прикольное у тебя детство. Прикольное... – задумалась Соня, осознавая, что у неё такого не было. Да и её отец – не понятно кто. Мать жила то с одним, то с другим. И каждый пытался научить Соню чему-то. И каждый позволял поднять руку, заставить убираться, наказать за то, что у Сони есть

свободное время, что у неё нет свободного времени. А мать и не вмешивалась. Сама только добавляла. И почему её сестре так повезло с родителями. А точнее с одним родителем, который позаботился о её детстве.

– Жалко, что его здоровье подвело. И теперь мне приходится оплачивать счета за его лечения в Германии. И почему, главное, мама пьёт месяцами, не просыхая, и даже не болеет, а у папы, который следил за своим здоровьем, вечные проблемы?

– Не знаю, – пожала плечами Сони, поняв, что и её сестре вовсе не сладко. И их обоих связывает женщина, которая испортила им жизнь. Вот только сломать и заставить их сдаться она не сможет. Основная цель этих сестёр – не стать такими же, как их мать.

18.

За весь день они никуда бы и не вышли из дома. Но внезапное желание купить газировки и сухариков, чтобы посмотреть американскую комедию, вынудило Соню выйти на улицу. В этот раз с зонтом. В этот раз с особой аккуратностью, которая ей не помогла, потому что мать нашла её. И она не могла не проболтаться. И все призраки из прошлого одной волной нахлынули в этот день.

– Сонечка! – крикнул кто-то сзади. Девушка оглянувшись, подняла зонт, чтобы увидеть этого человека. Но она узнала голос. Такой голос нельзя забыть. Этот парень был просто парнем. Бывшим для Сони.

Девушка решила его проигнорировать. Быстро решила сбежать, убедившись, что это именно он.

– А ну стой! Куда это ты так быстро собралась? – схватил Соню за руку парень.

– Отпусти! – выхватила руку Соня. Но так просто у девушки это не вышло. Чем сильнее она вырывала руку, тем сильнее хватал её парень.

– Сонечка, куда ты так торопишься? Чего так не дружелюбна? Мы же не чужие люди. Я соскучился.

– Дань. Отстань от меня. Отстань от меня. Кто тебе сказал, что я здесь? Мамка? Она?

– Ну, она. И что с того? Ты же игноришь меня. Могла бы

и ответить.

– Не могла.

– Не могла? Что же такое, Сонечка? Променяла меня на мальчика побогаче?

– Да. И что с того? Отстань! – грубо ответила Соня и стряхнула воду с зонта на парня.

– Я люблю тебя, Сонечка, – заявил Даня, отодвинув зонт и насильно поцеловав девушку, не обращая внимания на сопротивление девушки. Соня, которая никак не могла сама отбиться от парня, направила против Дани зонт.

– Отстань, – вырвавшись закричала она, пытаясь привлечь чьё-нибудь внимание. Но в такую мерзкую погоду людей на улице было мало.

– Сонечка, выходи погулять с нами. В старую компанию. Там Кирилл, я, Сёмыч.

– Нет. Забудь меня. Отстань от меня.

– Но я же люблю...

– Если любишь, тогда оставь меня в покое!

И Соня ушла, оставив парня под дождём. А Даня только почесал голову и, не сильно расстроившись, позвонил другу:

– Кирюх, чем занимаешься? Надеюсь, ты не сильно обиделся на вчерашнее? А то сбежал куда-то, как девчонка.

– Какие обиды? Ты чего? Я с Мартой.

– Понятно. Ты сегодня выйдешь?

– Нет. На улице дождь этот отвратный. Да и к тому же я, считай, всю неделю не сплю. Устрою себе разгрузочный

выходной. Проведу весь день с этой милой девушкой, – произнёс Кирилл.

19.

Произнёс Кирилл, который отвечал своему другу, держа Марту в крепком захвате ногами, пытаясь не навернуться самому с кровати.

– Успокойся ты, исчадие ада. Мне уже с тобой не справиться.

– Я сейчас здесь задохнусь. Стены раздавят меня в лепёшку. Дай мне выйти! – говорила Марта, вырываясь.

– Но не в окно же! – только и успевал перехватывать её Кирилл, не пуская к окну, от которого девушка не отводила взгляд.

– Через дверь нереально. Там слишком узко. Я там вообще с ума сойду.

– Да ты уже сошла! Ты можешь успокоиться. Я с тобой. Я не позволю стенам тебя расплющить.

– Ты себя-то видел? Да они и тебя в два счёта. Дай мне хотя бы подышать. Я же не буду прыгать.

– Там дождь. Что ты творишь? Почему ты так боишься стен. Борись с этим страхом. Какое тебе уже дело, если ты и так хотела умереть?

– Я не хотела. И не хочу. Я просто боюсь. У меня от страха скоро сердце остановится. Дай мне открыть окно. Чтобы я могла выбраться в случае сжатия стен на максимум.

Кирилл оттолкнул Марту так, что она приземлилась на

кровать, и потерялась в одеяле на пару мгновений. За это время Кирилл открыл окно и встал около него, чтобы девушка с разбега не вылетела с пятого этажа на мокрый асфальт.

И это было правильным решением. Марта с разбегу хотела выпорхнуть в окно. И Кирилл просто удержал её. Не дал насладиться падением и последующей болью.

– Что же ты делаешь? Сказала, что не хочешь умирать, – заметил Кирилл, но не осуждающе.

– Хочу на свободу. Мне больно!

– Больно? Что ты хочешь?

– Нужна конфетка! У Вадима под зеркалом, конфетки! Хочу к Вадиму. Хочу быть искусством. Отпусти меня!

– Ты просто наркоманка! – разозлился Кирилл, схватив Марту и отодвинув от окна. Он быстро закрыл его. И в комнате стало тише. Дождь остался на улице. Кирилл предугадал действия девушки, поэтому держал её одной рукой за талию и делал так, чтобы она шла задом туда, куда и он. Кирилл достал ей свою старую куртку, схватил свою. Молча помог ей одеться и открыл входную дверь. Насильно, закрывая ей рот, чтобы та не привлекла внимание соседей, затолкал её в лифт. Марта оглянулась по сторонам. Двери начали съезжаться вместе. Марта шагнула назад и начала падать без сознания. Её дыхание стало частым перед этим. И она очень сильно напугала Кирилла, который уже и не знал, что делать. Он держал её под руки, не давая свалиться на пол. Затем вытащил её на улицу. Сел на скамейку около подъезда. Дождь

каплями падал на него. И на девушку, которая без чувств лежала на его коленях. Капли стекали по её лицу. Исчезали под пышными волосами, склеивая кудрявые волоски между собой. От холодной воды, стекающей по лицу, Марта пришла в себя, открыла глаза, но не пошевелилась. Она смотрела вверх, часто моргая, пугаясь, что капли попадут в глаза. И вместе с этим сама плакала. И её слёзы, горячие в отличие от дождевой воды, стекали в уши, заставляя её чувствовать столь неприятное ощущение, из-за которого она готова была вскочить.

– Как ты? – спросил Кирилл, глядя на быстро моргающую Марту.

– Готова к серьёзному разговору, – произнесла Марта и села, но всё равно облакачиваясь на парня.

– К чему? – не понял Кирилл. – Может, я зря выкрал тебя из больницы. Ты сейчас умрёшь где-нибудь. А я буду виновен.

– Всё хорошо. Кроме одного. Я не буду твоей девушкой. Только подругой. Не больше.

– Мы спали. Больше не будем? – ничего не понимал Кирилл.

– Кашу маслом не испортишь. Я не против таких отношений. Даже в обычной дружбе. У меня никого нет. И я не хочу иметь просто парня, который может в любой момент меня бросить. Мне нужен друг, который всегда будет со мной. Что бы я ни натворила. И под какими наркотиками не была. Ты

согласен?

– Да, – быстро согласился парень.

– Как с тобой просто. Это взаимно. Я буду относиться к тебе также. Ты всегда сможешь обратиться ко мне. Но не отчитывать, не оскорблять и не ревновать. Договорились?

– Да.

– Я так люблю тебя, – сказала, сглатывая холодные капли, Марта.

– Как друга, – печально добавил Кирилл и положил руку на плечо девушки.

Они просидели под дождём час, два, три. Не говоря друг другу ни слово. Следя за тем, как дождь то усиливается, то затихает. Они пытались даже не шевелиться. Будто говорили. Но говорили на другом уровне. На уровне комфорта. Им было хорошо вместе. Под холодным дождём. Мокрым насквозь. Они наслаждались этим.

– Давай выпьем кофе, – сказал Кирилл, когда его живот издал характерный звук изголодавшегося человека.

Он встал и подал Марте руку. Они пошли по мокрой дороге. А вокруг пустота. Никого. Ни прохожих, ни проезжающих. И они одни. Просто во всём городе. В окнах горит свет, хотя ещё не вечер. Но чрезмерная пасмурность давила своей вездесущностью. Кирилл резко остановился. Марта прошла одна вперёд на несколько шагов. Потом обернулась. И решила его подождать. Но увидев, что тот не собирается её догонять, подошла сама:

– Что случилось? Чего ты встал? – спросила девушка.

Кирилл посмотрел на мокрую Марту. Приблизился к ней. И поцеловал. Так уверенно, что у девушки даже перехватило дыхание. И вместе с тем, её насквозь пробрал холод.

– Не исчезай из моей жизни, – попросил Кирилл, оторвавшись от губ девушки. И это был удивительный, однако, момент, наполненный признанием, сильнее любовного, наполненный холодом дождя и жаром, от которого пылали щёки. И именно этот момент смог испортить телефонный звонок. Это Даня просил друга сказать хоть слово в устройство связи.

20.

– Ало, – еле сдерживаясь, ответил Кирилл.

– Кир, у тебя Сонькиного номера нет?

– Дань, ты с ней встречался. У тебя нет её номера? – осуждающе ответил Кирилл.

– Есть. Но она, видимо, сменила его. Я не могу ей позволить.

– А зачем она тебе, в конце концов? Найди другую. Она же противная. Кинула нас всех. Забей на неё. Она променяла всё на деньги. Понимаешь, насколько это низко? Плюй на неё.

– Ну, я же не лох. Хочу её. И добыю её. Но раз нет, так нет.

Даня сбросил звонок. Он открыл банку пива и поднял её одной рукой из угла, а его жест подхватили другие гости гаража, где Даня проводил вечера. Здесь были самые различные люди. И старые, и молодые, и девушки, и парни. Так сказать, мини клуб для бедных. Тут был и пацан на побегушках. Он таскался туда обратно до магазина и обратно за пивом, а сам не пил. Здесь был уже достаточно пьяный человек в самом рассвете сил, который искал повода, чтобы начать драку. Здесь же была девочка, которая усердно заигрывала с Даней. Она с каждым разом подходила всё ближе. И вечно смеялась со своей подружкой. Даня решил не заставлять девочку

ку долго флиртовать. Он сам подошёл и предложил баночку пива. Девочка согласилась. Перекинула ногу на ногу, сидя на странном подобие стула. И медленно хлопнула ресницами.

– Как тебя звать? – спросил Даня.

– Даша. А тебя?

– Даня. Пойдёшь со мной? – перекрикивая музыку, сказал парень.

Девочка переглянулась с подругой и, передав ей пиво, пошла с парнем. Даня завёл её в странную комнату, которую незнающий человек в жизни не нашёл бы. Прижал её к стене. В одно мгновение, запутавшись, правда, в волосах девушки, снял с неё топ. Она же, не теряя времени, тут же спустилась на колени, расстегивая его ремень. Но внезапно остановилась:

– Я без защиты не буду.

Даня достал из заднего кармана поблёскивающую упаковку и Даша продолжила. Вся их подростковая страсть была для этих мест столь обыденной темой, что медлить, говорить, ждать подходящую песню не имело смысла. Надо войти и выйти. Без приглашения. Оставить потом эту девчонку одну. Не связываться с ней через друзей и знакомых. Она вряд ли забудет. А он периодически ломает девочкам жизни, так и не перезвонив и не написав. Она сама виновата. К чему строить глазки?

– Меня мамка дома ждёт. Встретимся завтра, – кончив, говорил Даня, оставив девочке на память пропахшую потом

футболку. А сам вышел на улицу. Дождь в разы уменьшился. И лишь пару капель попали на Даню. Всё, что находилось у него внутри, просилось наружу. Он не мог насладиться даже прекрасным запахом после дождя. А на улице, между прочим, было уже светло. И лучи солнца пробивались в мир где-то с востока, проходя ниже туч, которые и не собирались расходиться. Даня дошёл до дома, где так недавно он поймал Соню. И просто остался ждать её. Рассчитывая, конечно, что она не появится с утра. И не встретит его в таком состоянии. Не разочаруется в нём полностью.

Вот только Соня вышла рано. Вышла с зонтом. Вышла, чтобы добраться до места встречи. И она даже не взглянула на Даню. Она села в подъехавшую машину. И скрылась, испортив парню все планы на день.

21.

Соня вызвала такси. И на машине доехала до частного медицинского учреждения, где на двери висело расписание. Её сразу смутила надпись: «ВС– Выходной». Соня рассеянно дёрнула ручку. Дверь была закрыта. Она взяла в руки телефон. И уже хотела набрать Тимофея, который так её подставляет. Но Тимофей её опередил. Он появился за её спиной и, поздоровавшись немного в нос, будто провинившись, открыл дверь ключом. Когда они оба зашли внутрь, он закрыл дверь изнутри тем же ключом.

– Никого не будет больше? – поинтересовалась Соня.

– Нет. Надевай бахилы. Садись в очередь. Жди, пока я тебя позову, – серьёзно произнёс Тимофей, а сам зашёл в белую дверь. Соня надела бахилы, которые лежали около входа в большом количестве и села на кожаные диванчики. Но долго ей ждать не пришлось. Над дверью, напротив которой Соня села, появилась бегущая цифровая строка: « Соня, заходи». И девушка, чувствуя некий страх и неуверенность, открыла дверь. На удивление, внутри было два человека. Тимофей, в белом халате и ещё один весьма молодой человек, который сидел и заполнял бумаги.

– Здравствуйте, – произнесла тихо Соня.

– Проходи, садись в кресло, – ответил ей Тимофей, будто не замечая сидящего в этом кабинете человека. Да и он не

обратил на девушку никакого внимания.

Соня села на красное кресло странной формы. Её ноги оказались в полусогнутом состоянии. Она даже не хотела рассмотреть, что находится вокруг неё. Она лишь взглянула на Тимофея, который за сегодняшний день не удосужился даже улыбнуться. Сейчас он реально был похож на доктора, от которого колени трясутся.

– Рукав подними. Надеюсь, ты крови не боишься? Не упадёшь здесь без сознания?

– Как девушка может бояться крови? К тому же, если бы ты знал, что я видела в своей жизни, то не задавал бы столь нелепых вопросов.

– Действительно. Ты и без вида крови можёшь свалиться замертво, – подметил серьёзно Тимофей.

– Поэтому я и здесь. Чтобы ты меня вылечил. И не задавал глупых вопросов.

– Скоро этим займёшься ты, – перевёл стрелки доктор.

– И ты мне на всё ответишь?

– Это вряд ли, – вмешался доктор, который всё это время просто слушал их, – Тимофей Эдуардович прогуливал пары по врачебной этике. Он и послать может. Поэтому на многое сразу не рассчитывайте. На уважение, например.

– Ах, да. Точно. Хотел тебе представить и забыл. Это Герман. И как он будет доказывать всем и каждому, сам заработал на обучение в меде, занимаясь перекупами с десяти лет.

– А вы ладите, – заметила Соня, глядя на того доктора,

что сидел за столом, а не на свою руку, из которой Тимофей качал кровь.

– Да пришлось как-то в универе использовать друг друга, как подопытных, – разбавил разговор своей фразой Герман.

– Ты со всеми пациентками такой общительный? – немного сердито спросил Тимофей. И Герман уткнулся в бумаги. А Тимофей уже заклеивал руку Сони.

– Сделаешь анализ? – спросил Тимофей у Германа, оставляя пробирки с кровью у него на столе.

– Хорошо, – не стал отнекиваться тот.

– Пойдём посмотрим, что у тебя в голове, – обратился Тимофей к Соне и придержал дверь, пока та не вышла.

– Как тот врач попал в клинику, если ты открыл её ключом? Он залез через окно? – спросила Соня в другом кабинете.

– Нет. Его тут заперли вчера случайно. Но он и не заметил. И лучше не задавай такие вопросы. Не переходи на личные темы. Держи профессиональную дистанцию.

– Хорошо. Я поняла.

– Только не обижайся. Иначе мне будет трудно работать.

– Я поняла. Не держи меня за дуру. Тогда несколько правил. Не упоминаем в наших разговорах Леру, Дениса и прочих людей, которые могут нас связать неофициально.

– Согласен. Тогда ещё один уговор. Ничего от меня не скрывай. Ладно? Я не буду вызывать наряд псих. бригады или полицию. И не буду тебя осуждать.

– У меня не было беспорядочных половых связей, – ответила на слишком отдалённый намёк Соня.

– А по голове тебя били? Сотрясения мозга? Ещё какие-либо травмы? Врождённые заболевания?

– Как подло с твоей стороны! Но раз я обещала, то всё расскажу. Я попадала несколько раз в сильные передраги. Но точно сказать, что было не могу. Я ни к кому не обращалась. И прошу, только без этих осуждающих взглядов и вздохов. Ненавижу врачей за это.

– Проходи уже. Нам ещё много чего предстоит сделать.

И Тимофей провёл свою юную пациентку в один кабинет, в другой, третий. Подключал к странным приборам, заставлял лечь, сесть, открыть глаза, пройти по прямой. Он говорил ей не думать, когда к её голове были прикреплены какие-то проводочки. А Соня смотрела на него с непониманием. В своём ли он уме. Невозможно совсем не думать. Даже когда ты пытаешься не думать, ты думаешь, что не думаешь, но при этом же всё равно думаешь. А Соня назло ко всему не могла выкинуть из головы пропавшего Вадима. Она была связана с ним всего лишь двумя встречами и перепиской в мессенджере. Но он пропал. И от части, она в этом виновата. Она даже не посмотрела на его шоу. Он только ради него пришёл. Она не видела, в каком направлении он скрылся. А ему может быть очень тяжело, учитывая новости. А Соня не знает, где он живёт. Не знает, с кем он знаком. И вообще, если подумать, даже когда строго настрого запретили это де-

лать, Соня не знает Вадима. И при этом по непонятной причине беспокоиться за него.

Тимофей просил Соню не уходить в мысли, быть поверхностной. А ещё он просил её раздеться. А ещё он говорил ей не стесняться. И что он сейчас доктор, а не мужчина. Но эти слова только сильнее вгоняли её в краску и в сомнения.

– А здесь нет случайно женщины-доктора.

– Здесь только я и Герман.

И Соня соглашалась. Не то чтобы она доверилась. Но в данной ситуации явно не было подвоха. Вряд ли странный человек, у которого есть ключ от частной дорожки диагностической клиники, приводит сюда своих потенциальных жертв и насилует. Звучит уж слишком дико. К тому же Тимофей отлично справлялся со всем оборудованием. И рассматривал снимки и машинные записи, явно понимая их содержание.

Они провозились весьма долго. Даже без очередей всё обследование продлилось несколько часов. И завершив всё возможное, Тимофей дал Соне перекусить салатом из своей сумки, а сам закрылся с Германом, обсуждая диагноз и лечение.

– Что скажешь? – спросил Тимофей, предвидя уже все ответы.

– Ничего хорошего, – ответил Герман, посмотрев на снимки и прочие бумаги.

– И что делать?

– Ты у меня спрашиваешь? Я не знаю. Я бы отправил её лечиться в Израиль. Но, делая кое-какие выводы, я могу сказать, что ты взялся за неё за свой счёт. Поэтому сам вряд ли одобришь её поездку.

– Есть ещё варианты?

– Забить на неё. Дать пропить какие-нибудь бесполезные витаминки. Создать иллюзию лечения. Её мозг внушит, что всё в порядке, и она умрёт.

– Герман! Напиши в клинику в Израиль. У вас же тут есть с ними связь.

– Сначала пациенту говорят. А потом уже этим занимаются.

– Она не совершеннолетняя. Ей нельзя просто так взять и сказать.

– Как по мне, так её психологический возраст даже больше, чем твой. Но ты прав. Звони её родителям, опекунам. Решай этот вопрос. И в течении двух дней приноси мне согласие, оплату в полном размере. Не забудь, что для пересечения границы понадобятся ещё документы. Поэтому прощайся со своими нервами и начинай подготовку. И девочке лучше скажи. И, пожалуй, я поеду домой. Тут, конечно, здорово. Но весьма трудно.

22.

Герман встал из-за стола. Сложил бумаги в ящик. Снял халат и вышел на свежий воздух. Дождь, который чуть было, перестал идти, снова набрался сил и забарабанил с новым напором. Герман сел за руль своей машины. Поехал по мокрой дороге. Управляя машиной, Герман уже чувствовал неладное. Уж слишком плохо она тормозила. И с мыслью о том, что надо будет отогнать автомобиль в ремонт, пока он не попал в какое-то происшествие, прямо ему под колёса выбежала красноволосая девушка. Герман ударил по тормозам. Но они были не в силах остановить машину сразу, да ещё и на мокрой дороге. И девушка осталась лежать неподвижно на мокром асфальте, не подавая признаков жизни. В испуге Герман выбежал из машины и подбежал к девушке:

– Вы живы? – не думая больше ни о чём другом, спросил Герман.

– Ага, – не открывая рот, не шевелясь, промычала девушка.

– Я вызову скорую. Не двигайтесь, – сказал молодой человек и достал телефон.

– Не-не-не. Не имеют смысла ваши решения. Спасибо за беспокойство. Но я сама кого надо вызову! И на вас напишу заявление! Вас лишат водительских прав или посадят! Вы заплатите мне полную компенсацию.

– Сколько вы хотите? – спокойно спросил Герман.

– Вот приедут сотрудники, снимут тяжесть моих травм, посмотрят на ваше нарушение, тогда и скажу.

– Давайте я вам просто переведу деньги. И если хотите, довезу до больницы.

– Не нужны мне ваши подачки! Я буду всё решать по закону. Вы меня сбили!

– Вы сами бросились под колёса! – не понял такого наезда Герман.

– Не правда! – возразила пострадавшая.

– Тут камеры висят.

– Вот именно! Вы видите пешеходный переход? Правосудие на моей стороне.

Герман уже не знал, что и предпринять. Он не отрицал свою вину. Но и проблемы с законом ему ничего хорошего не принесут. Он помог девушке сесть и беглым взглядом осмотрел её. Потом показал ей средний палец и спросил:

– Сколько пальцев показываю?

– За кого вы меня держите? Все всегда показывают два пальца. У вас никакой фантазии!

– Девушка, у меня плохие новости для вас. Я предлагаю подождать вашу полицию в машине. А то что-то мы на дороге, еще и под дождём. Давайте я вам помогу, – любезно предложил свою помощь Герман, видя, что девушка серьёзно пострадала по его вине.

Он посадил девушку в свою машину и отъехал на обочи-

ну. Дворники сметали воду с лобового стекла. Издавая отвратительный скрип каждый раз, когда опускались вниз.

– Как к вам обращаться? – сказал Герман, подавая девушки влажные салфетки.

– Сколько вам лет? Много? Больше моих? – стирая с себя грязь, поинтересовалась девушка.

– Если будет больше, то будешь обращаться ко мне на вы, а если меньше, то заставишь меня называть тебя по имени и отчеству. Давай сойдёмся на том, что я тебе ровесник.

– Сколько, по-вашему, мне лет? Шестнадцать или тридцать? – не теряя достоинства, спросила девушка.

– Ну, где-то так.

– Тогда Вероника.

– Герман, – тоже представился доктор.

– Я не спрашивала, как вас зовут. Мне всё равно. Я жду от вас только компенсации. И правосудия. Не думайте, что между нами может что-то произойти как в фильмах про любовь. Меня не интересуют такие, как вы ровесники, которые даже за дорогой уследить не в силах.

– Да на такую истеричку ни один нормальный человек не посмотрит! – не выдержал Герман, который пытался оставаться вежливым из последних сил.

– Я возьму с вас в два раза больше моральной компенсации! Грубиян! Злодей!

И Герман не выдержал окончательно. Он завёл машину и на огромной скорости поехал по мокрой дороге.

– Что ты делаешь? Остановись! Эй! Маньяк! – испугалась Ника.

Она тревожно начала пристёгивать ремень, пока Герман её игнорировал. Она тихо молилась, чтобы не попасть в ещё какую-нибудь аварию и просто выжить сегодня.

– Послушайте, остановитесь! Иначе я сообщу о хищении человека. Будьте уверены. Меня найдут, а вас посадят!

Герман продолжал ехать и смотрел на дорогу, а не на девушку. После он резко остановился. Ника отстегнула ремень и нервно попыталась выйти из машины. Но Герман заблокировал двери. И смотря через лобовое стекло на стекающие капли, он произнёс:

– Мы плохо начали наш диалог. Позвольте извиниться.

– Катитесь к чёрту! Не желаю иметь с вами ничего общего, – переводя дыхание и до сих пор боясь всего, ответила Ника.

– Давайте я хоть раны вам обработаю. А то заражение крови, а потом отрежут руки и ноги.

– Мне не десять лет, чтобы верить в такие сказки. Я никуда с вами не пойду.

– Вам придётся. Отсюда вы больше никак не уедите. До ближайшей остановки пять километров. Сеть и мобильная связь не ловит. Ближайшее жилище – мой дом. Со всеми удобствами. Я помогу вам и отвезу назад. Предложу чая.

– Пытаетесь заманить меня конфеткой? Даже если бы мы встретись при обычных обстоятельствах, я ни за что бы ни

посмотрела в вашу сторону.

– Вы мне не симпатичны. Я просто не хочу в тюрьму. Поймите, я доктор. В частной клинике. Мне нельзя портить авторитет. Люди записываются ко мне на приём, вставая в очередь длиною в год. Хотите подставить всех этих людей? Я предлагаю договориться.

– Вы хотите изнасиловать меня в домике в лесу.

– Ох. Вы слышите меня вообще? Мне кажется, мы говорим на разных языках. Выходите из машины! Иначе закрою вас тут на двое суток.

Герман вышел из машины. Обошёл её кругом. Резко открыл дверь, за которой сидела Ника, и вытащил её на улицу. Ника осмотрелась вокруг. И, правда, только лес. Герман открыл дверь дома. Весьма приличного. И просто затолкал девушку внутрь. Поставил грубо перед ней стул и одним взглядом заставил её сесть. Герман достал аптечку. Достал обеззараживающее средства. И сел перед девушкой на корточки, чтобы быть поближе к её немного костлявым и ободранным коленям. И бесцеремонно вылил, чуть ли не весь, флакончик. Ника застонала от того, что повреждённые участки тела начали невыносимо щипать.

Герман даже улыбнулся от такой милой реакции. Он подул на колени и достал пластырь. Аккуратно заклеил раны. И встал.

– Можно мне воды? – спросила Ника

Герман ушёл на кухню. Ника быстро осмотрелась. Ей хва-

тило и половины минуты, чтобы решиться сбежать. Она как можно тише открыла дверь, а когда Герман появился со стаканом воды, то тут же ускорила. Она открыла дверь и громко захлопнула её со стороны улицы. Ника направилась по дороге. По шикарному шоссе, на котором не было ни одной машины. А две сплошные были не белыми, а жёлтыми, как с открытки. Вокруг слишком насыщенные зелёным ели. Слишком чистый воздух, от которого кружилась голова. Ника, только отбежав на достаточное расстояние, когда дома Германа не было видно, почувствовала, что неслабо так её приложило к асфальту. И поцарапанные колени теперь стали болеть при каждом шаге.

23.

Ника долго шла. Периодически поднимая телефон вверх, пытаясь поймать связь и каждый раз бросая короткие матерные слова при неудаче. Спустя два часа непрерывной быстрой ходьбы Ника увидела одинокую автобусную остановку. И на ней даже сидел человек. Ника почти на последнем издыхании села рядом с человеком и облокотившись о грязную стенку, спросила у сидевшего на остановке:

– Давно ждёте?

– Со вчерашнего дня, – ответил человек

– Я надеюсь, что вы шутите? – испугалась Ника.

– Нет. Реально со вчерашнего дня, – серьёзно ответил мужчина и продолжил смотреть куда-то вдаль перед собой.

Ника испуганно посмотрела на человека. Он был похож на того, кто ждёт автобус несколько суток. Но подобная информация привела её в ужас и почти отчаяние.

– Связь тут где-нибудь ловит?

– Может быть. Не пробовал, – молодой человек отвлёкся от бессмысленного смотрения вперёд и в наглую начал пялиться на Нику:

– Можно вас за грудь подержать? – наконец, высказал свою мысль человек с остановки.

Ника не стала ждать. Эта фраза её сразу активировала. Она сразу посмотрела снизу, опустив брови, а потом с раз-

маху ударила человека по щеке. Так что у него остался красный след на лице. А Ника смогла вскочить и отойти на проезжую часть.

– А можете замереть на мгновение? Не подумайте ни о чём. Я просто хотел поймать такие эмоции у нормальной девушки. Не против, если я зарисую? – быстро поменялся этот хам.

Ника, которая совсем запуталась, замерла. Но скорее не от просьбы этого незнакомца на остановке, а оттого, что растерялась. Уж слишком много маньяков за один день. На всякий случай она перешла дорогу. И в этот момент на телефон пришло уведомление. Ника быстро набрала Анатолия и серьёзным спокойным голосом сказала:

– Если ты меня сейчас же не заберёшь, то меня расчленишь в каком-то диком лесу какие-то отбитые на голову извращенцы!

– А можете повернуться ко мне лицом? – тут же крикнул человек на остановке, который достал маленький листочек и кисть.

– Толь, пожалуйста, быстрее. Я на какой-то дороге. Тут вообще никто не проезжает. И одна остановка до которой я еле дошла. Ника потеряла связь и ещё долго кричала в телефон:

– Алё! Алё! Да что за день такой! – отчаянно взывала Ника, понимая, что её хладнокровность, уравновешенность и ценность самой себя – уже просто забытый образ.

– День как день. Как и тысячи других дней. Разрешите сделать вам подарок? Возьмите картинку!

– Так я к вам и подошла! – крикнула Ника.

– Да я даже на руки вас не возьму. Даже при желании. Я художник, а не кто-то там из сильных и накаченных. И я прошу прощения за ту мою фразу.

– Вы ненормальный! Оставьте себе свой мусор!

– Очень грубо. Могли бы продать за неплохие такие деньги. Я считай, очень известен. Меня даже в новостях показывали. Только без меня. И без моего разрешения.

– В новостях? В них только плохое показывают, если вы не знали.

– А я не хороший художник. Я свою натурщицу до рокового шага довёл. Испортил собственную картину. Сбежал, как последний кретин, в лес. Несколько дней ни с кем не связывался. Да никто и не искал меня, наверное. Кому я нужен! Ко всему этому потерял ключи от мастерской. И, думаю, мой менеджер уже составил все бумаги, чтобы разорвать все связи и контракты!

– Зачем вы мне это всё говорите?

– Чтобы ты не судила меня по одной фразе.

– Судить вас по рассказу, где вы ещё хуже?

– А ты прямо идеальная? Тогда почему волосы в красный покрасила?

– Не покрасила, а родилась с такими! И что это за принцип судить по цвету волос?

– По чему есть, по тому и сужу. За вами приедут?

– Да. И очень скоро.

– Если я заплачу. Очень хорошо заплачу, довезёте? – нашёл для себя выход молодой человек.

– Нет, – не раздумывая, крикнула Ника.

– Картинку заберёте?

– Нет.

– Ну, ладно.

Человек встал и подошёл к Нике. Та пыталась пятиться от него назад. Пыталась отдалиться. Но человек догнал её, схватил за руку, и насильно впихнул картинку, на которой ещё не засохла краска.

– Я не плохой человек! Увези меня отсюда. Прости. Пожалуйста! – человек чуть ли не встал на колени, но Ника ему не позволила. Она махнула на него рукой и уже приняла его жалкую позицию, не обращая внимания на то, что было сказано относительно недавно.

Ника даже успокоилась и села на остановку. Начинался дождь. Или скорее маленькие капельки падали с листьев этого загадочного места, в лесу, где огромная дорога вела лишь к одному домику странного маньяка. Человек сидел рядом. Он смотрел на свою картинку и на Нику. Пытаясь понять: «Похоже получилось или нет?». Он ведь потратил всего пару минут. А что, если она не такая, какой он её видит. Вдруг это зелёные листья преобразуют её красные волосы? А на самом деле она не такая яркая. А что, если она вообще обычная?

Как все-все девушки. В них же нет ничего загадочного. Каждую девушку можно понять с полуслова. Вот только они сами себя не понимают.

– Меня Вадим зовут, если вы ещё не догадалась. А вас?

– Вероника.

– За тобой парень приедет? У него же не возникнет лишних вопросов. Мне же не набьют рожу? Битой металлической позвоночник не разломают? – уточнил художник.

– Нет.

– А тогда зачем тебе такой немощный парень?

– Я сама разберусь, какой мне нужен парень.

– Я ей как парень объясняю, кто ей нужен, а она шлёт меня ко всем чертям! Что за бескультурие? Не мир, а помойка. Нашлись тоже мне самодостаточные-самозанятые. Сама банку открою, сама ребёнку воспитаю. А дальше что? Сама от маньяка сбегу? А такой шанс упускаете. Герман же хороший собеседник. И доктор неплохой. Из одного пожатия руки может поставить диагноз и содрать полмиллиона.

Ника с усилием слушала речи Вадима. Он видимо не общался давно, потому что поток его мыслей, большая часть из которых были бестактными и противоречивыми даже в контексте его речи, был бесконечным. Наконец, подъехал Анатолий.

– Твой парень приехал на такси? Удивительно... во сколько же ему это вышло?

Ника уже отвечала страдальческими вздохами. Она села

на переднее сиденье и поцеловала водителя. Она была рада видеть Анатолия. Она просто хотела прижаться к нему настолько, чтобы весь мир пропал из поля зрения. Но Видим сел сзади и продолжил говорить:

– Так вот значит как. Добрый день водитель Анатолий с рейтингом 3 и 8. Не против, что я доеду. Оплата наличными. За такой же страстный поцелуй заплачу вдвойне. Но если вы против, то я не настаиваю.

– Пусть доедет, – ответила Ника на вопросительный взгляд своего немолодого человека и машина, развернувшись, двинулась назад в город.

24.

Вадима высадили на первой остановке, откуда можно было уехать. Он передал водителю пятитысячную купюру и специально оставил картинку Ники на заднем сиденье. Сам пошёл пешком в мастерскую, надеясь на чудо, и что она откроется перед ним сама собой. На удивление так и случилось. Железная дверь в мастерскую открылась прямо перед ним. Из неё вышел менеджер Вадима.

– Как прекрасно, что вы открыли дверь. Я больше не могу находиться на улице. Этот солнечный свет доводит меня до припадков! – заявил Вадим, включил синие лампы и лёг на бетонный пол прямо в центре мастерской.

Менеджер, руководитель, финансовый деятель Вадима с удивлением посмотрел на тучи на улице, пытаясь найти солнечный свет, а после вернулся в помещение, поменяв все свои планы.

– Ты где был? У нас тут просто завал. Твоя выходка это просто нечто. Мы на этом можем огромные деньги поднять. А ты скрылся... Я уже хотел идти подавать заявление. Мог бы позвонить хотя бы. Или ответить на сообщение. Не появлялся он в сети... Отдохнул и хватит! У нас впереди такие скандальные шоу. Такие заголовки. Это выход на новый уровень.

– Я заканчиваю карьеру. Разберитесь совсем и убейте ме-

ня! Как там... Василий Сергеевич, убейте меня в мире искусства и верните в мир реальный.

– Даю тебе два дня на то, чтобы ты собрался, и ворвёмся с мир строить скандалы и прочее. Кстати, твоя безмозглая натурщица. Она сбежала из больницы. И если появится у тебя, то сообщи по этому номеру телефона. Тут уже всё серьёзно.

– Василий Сергеевич, какого чёрта вы так за меня вяжетесь. От меня же не такой большой доход. Я художник, а не медийная личность. Встречи с людьми меня сильно утомляют.

– Так, мальчик мой. Радуйся, что я не беру с тебя штрафы. Заряди телефон и проверь все соц. сети, потому что тебя ищут. Хватит доводить людей. Серьёзно. Какой же ты паршивец!

– Я ключи потерял, – не поднимаясь с пола, сказал Вадим.

– Вечером будут.

– Спасибо.

– С тебя скандальные шоу. И семьдесят процентов выручки. Всё честно.

– Да-да.

Менеджер оставил Вадима на холодном бетонном полу, в окружении зеркал, синих лампочек, красок и холстов. Оставил с абсолютным отсутствием идей для творчества. Это была не та мастерская, в которой хотелось выплеснуть все свои эмоции, в которой хотелось получать удовольствие от жизни. Здесь не было этой отвратительной и надоедливой прилипа-

тельной Марты. Без неё Вадим не знал, как взяться за кисть.

Вадим включил телефон и просто чуть не умер от входящих уведомлений. Он быстро их пролистал. Сколько незнакомых людей. С угрозами. Его взгляд остановился на сообщении от Сони. Она написала не так много. Пару раз пыталась позвонить. Вот кто точно вернёт вдохновение. Вадим позвонил ей. Соня быстро ответила:

–Привет. Не могу сейчас говорить. Напишу позже.

25.

Соня отложила телефон и, сложив руки в замок, опять посмотрела на Тимофея, который сидел на кухне в квартире Леры.

– Объясни ещё раз, – немного уныло сказала Соня.

– Я говорю, что тебе нужно лечение в Израиле. Я предлагаю тебе свою помощь. Полную финансовую независимость. От тебя требуется только письменное согласие родителей. Все остальные документы я оформлю.

– Я никуда не поеду! Это для тебя всё так просто. Я и без этого обойдусь, – чётко ответила Соня.

– Почему? Я же говорю, что оплачу твоё лечение, твоё проживание, твою жизнь. Разберусь с документами. Тебе нужно это лечение.

– А тебе от этого какая выгода?

– Я же твой доктор. Моя задача состоит в том, чтобы вылечить своих пациентов.

– Его задача. Даже если бы я согласилась. То ничего бы не вышло. Согласие моей матери? Ну, попробуй. Попробуй. Она скорее тебя ограбит, чем подпишет эти бумажки. И вообще-то у меня есть собственная жизнь. Мне нужно после каникул возвращаться в школу. Мне нужно получить образование.

– Если я решу все-все эти вопросы. Ты поедешь? – уточ-

нил Тимофей.

– Нет, – не меняла свою позицию Соня.

– Да почему?!

– Потому что! Потому что у меня болит голова. Потому что я не хочу никуда уезжать. Потому что я не доверяю тебе. И вообще мне безумно плохо.

Тимофей поднялся, обошёл стол и, поймав в воздухе руку Сони, нащупал пульс. Затем молча пальцами раздвинул веки и посмотрел прямо в глаза. Соня после этих манипуляций подняла на него голову, чтобы смотреть в его глаза и убитым голосом, почти без звука сказала:

– Я ребёнок. Я не вправе решать такое. Я больше не хочу ничего решать...

– Эй, ты чего. В обморок собралась падать? А ну перестань. Я всё решу.

И уже в следующее мгновение Тимофей ловил Соню, падающую со стула. Он крепко держал её за плечи, поместив голову на своё плечо, чтобы девушка никак не пострадала. Аккуратно перехватил и поднял на руки. Перенёс на кровать. Профессионально привёл её в чувства. Дал воды и запретил вставать. Сам сел рядом.

– Сонечка, пойми уже, наконец. Тебе будет постоянно плохо. Погода дождливая, облачность переменчивая. Выпей таблетку, – Тимофей протянул девушке таблетку и принёс ещё воды.

– Умоляю, не делай из меня человека, который всё ре-

шит. Пожалуйста. Уговори маму, поговори с Лерой, сообщи в школе. Я уже согласна на всё, лишь бы ты не сваливал всю ответственность за мою жизнь на меня. Мне всё равно. Не так уж и дорога мне эта несчастная жизнь. Но мне нельзя в больницу. Они напишут на меня характеристику и меня никуда не возьмут работать.

– Я решу это. Тогда давай дождёмся твою сестру. И я пойду решать вопрос с твоей матерью. Таблетки пей два раза в день.

Соня махнула головой и забралась под одеяло. Она накрылась с головой. Но не из-за того, что ей было холодно. Она не хотела, чтобы Тимофей видел, что она плачет. Плачет, потому что такая жалкая, потому что нерешительная, потому что не готова делать таких серьезных решений. Она не заметила, как в таком состоянии заснула. И не услышала, как пришла Лера. И не слышала, как Тимофей с ней говорил. Как чуть было не поругался. Потому что статусы не позволяли этим людям понимать друг друга. В конце концов, Лера дала Тимофею адрес матери и вывела его за дверь. Он только напоминал о Денисе, которого Лера безуспешно пыталась забыть.

26.

А тем временем, Тимофей с особым энтузиазмом почти ночью пошёл искать мать Сони, чтобы поскорее решить все формальности, всю работу с документами. Вот только он же не подозревал, что всё настолько плохо. Потому что по данному адресу в него полетела пустая бутылка. А в месте, куда его послали, его послали. И не добившись ничего положительного, Тимофей приехал к Денису.

У Дениса на кухне сидела Лиза. Она была заплаканная. Она мешала в чашке какие-то напитки. И на первый взгляд это был чай, но аромат позволял сделать вывод о том, что напиток с какими-то медицинскими травами.

– Где Денис? – уставший за день, спросил Тимофей.

– А где камень, который мне подарила бабушка? – спросила Лиза.

– Я не знаю.

– Вот и я не знаю. Вообще беспредел! Ты так спокойноходишь! А может, это ты и украл мой камушек? Вор!

– Мадам, следите за словами. И хватит уже обвинять всех подряд.

– Говоришь, как вор. Верни мой камень! Он приносит чистую любовь. Он привяжет ко мне моего мужа.

– Обратись к психологу. Явно не здоровые у тебя мысли.

– Сам обращайся, вор.

– Уже обращался, не волнуйся. Где Денис?

– Я уже отвечала. Я не знаю, – Лиза положила на стол руку и легла на неё головой. Из глаз её катились слёзы. Она была так разочарована, что не видела никакого смысла. И просто плакала, каждой мыслью закапывая себя всё глубже, подчёркивая своё несовершенство и уродство. Внутреннее уродство.

– Ты плачешь? – спросил Тимофей, который успел подняться наверх и спуститься назад.

– Плачу. И что с того? – всхлипывая, заявила девушка.

– Да ничего... – Тимофей осмотрел дом и ушёл, оставив Лизу опять одну. Она лежала головой на столе и писала мужу такие же сообщения, как и в первую неделю их общения в сети. С тысячами сердечек, со слащавыми фразами «и я тебя люблю». И при этом плакала. Плакала, надеясь, что её муж почувствует её боль и спросит, как дела. А он лишь просит услышать её голос. Хочет позвонить. А Лиза чувствует ком в горле. Начнёт говорить, он всё поймёт. Поймёт – рассердится, расстроится, начнёт винить себя. Приедет. Лиза залпом допила свой согревающий, полезный для нервов напиток. Встала. Вдохнула так глубоко, что голова закружилась. Попробовала сказать себе что-то в зеркало, сдерживая слёзы. Получилось не очень. Лиза взяла расчёску. Начала усердно вычёсывать свою чёлку. С давних, ещё древних времен она так успокаивалась. И когда голос стал прежним, без застрявших слёз в горле. После этого она позвонила своему

мужу:

– Да милый. Всё хорошо. Вернусь к нашей годовщине. Не так уж и долго. И я скучаю. Спокойной ночи. Целую.

Лиза сразу положила телефон, открыла кухонный шкаф и разбила первую попавшуюся тарелку. Затем ещё одну и ещё. Пока весь гнев не рассыпался осколками по полу. После этого Лиза умылась, накрутила волосы и уехала в ночной клуб. С мужем больше так не погуляешь.

Лиза не стала искать что-то поприличнее и зашла в первый попавшийся бар, где никого почти не было. Пару малолеток стояло у входа.

Внутри, уставший бармен, протирающий бокалы, сказал ей:

– Два напитка по цене одного. Девушкам первый бесплатно. Что хотите?

– Я буду свежесжатый сок, – сказала Лиза.

Бармен недовольно опустил плечи под стойку. Он явно отработал уже весь день. Ему было сложно улыбаться гостям. Пока Лиза трезво оценивала обстановку в бар вошли двое. Какая-то девчонка-простушка и весьма солидный, но не симпатичный мужчина. Они сели у барной стойки и сделали заказ. Девушка отлучилась, и мужчина подсыпал ей что-то в бокал прямо на глазах у бармена.

Лиза осуждающе на всё это смотрела, а когда пришла девушка, то встала, взяла этот стакан и, глядя в непонимающие глаза молодой девушки, вытянула руку и вылила напиток на

голову мужчины, заставив всех вокруг встать в некий ступор. И пока не начался скандал и разборки, пока мужчина медленно краснел, пока злость подбиралась к его ушам, Лиза схватила девушку за руку и потянула за собой:

– Эй! Сумасшедшая! Отпусти меня, – не слишком эмоционально, будто читая текст по бумажке, сказала девушка, но покорно пошла.

На улице Лиза поставила девушку, только сейчас заметив её спокойность и вообще отрешенность от событий.

– Он тебе что-то подсыпал, – сказала Лиза.

– Я знаю, – спокойно ответила девушка. – Спасибо, что отреагировала. Но больше так никогда не делай. В другой раз тебя могут и убить.

– И что делать теперь? Я испортила твой план?

– Не было никакого плана. Видимо, это я испортила твой вечер. Кого-то ждала?

– Нет. Некого мне ждать. Я замужем.

– Мне теперь тоже некуда идти. И некого ждать. Предлагаю объединиться. Выпьем вместе, раз так всё вышло. Меня Даша зовут.

– Лиза. Покажешь, где здесь хорошее место, чтобы расслабиться, – нашла себе компанию Лиза.

– Чтобы расслабиться нужно не место, а качественные напитки.

– Готова поспорить с этим. Я не пью. И я возьму на себя ответственность показать всю прелесть этого мира.

– Ты же замужем. В твоей жизни больше нет прелестей. Ты не можешь проводить вечера в компании других мужчин, чтобы позлить того, кому на тебя дела нет, – не сходились ни в одном вопросе новые знакомые.

– Тебе разбили сердце?

– Мне не перезвонили с утра. Просто кинули в общественном месте.

– Тогда предлагаю готовить план мести, моя хорошая. Уж по этому вопросу я специалист. Как его зовут?

– Даня.

– Первое правило мести от Лизы. Никогда не называй этого уroda по имени. Ему, в конце концов, его дали родители. А месть у нас не кровная. Больше никого не впутываем в разборки!

– И тебя?

– Я инструктор. Мне можно. Или ты собралась выходить в открытый космос без подготовки и сопровождающего?

– Ладно. Я поняла. И как его называть?

– Я не знаю. Я никогда его не видела. Сама придумай.

– Тогда будет «урод напущенный».

– Отлично. Всё. Можем ехать к нему. Тебе известно его местоположение?

– Это просто узнать. Сейчас... – девушка открыла в телефоне приложение. Осмотрелась вокруг, – он на соседнем переулке.

– Пошли, – потянула Дашу Лиза, не раздумывая двинув-

шаяся направо.

– В другую сторону, – тут же заметила Даша, чтобы эта странная знакомая не натворила ничего ужасного.

Лиза завелась от такого. Даже забыла об утерянном камне. И эта девушка. Как она подходила под её идеал. Такая спокойная, такая текущая. В ней проснулся дух наставничества и желание отомстить и всем тем, кто когда-то был ей противен. Выплеснуть всю свою злость на незнакомца. А точнее на знакомого её новой знакомой. И вот перекрёсток. На нем с десяток подростков. Лиза тихо, стоя в тени от фонаря, спросила у Даши:

– Ну, и кто из них?

– Тот, что обнял ту девку за талию.

– Позволишь мне? – облизнув губы, поочерёдно прикрывая глаза, спросила Лиза.

– Да, пожалуйста.

Лиза поправила чёлку, схватила Дашу за руку, провела рукой до её плеча. После этого пафосно подошла к толпе. И незаметно в неё влилась. Сзади приблизилась к Дане. Аккуратно руками пролезла сзади к нему на шею:

– Привет. Не против поменять эту малявку на меня? – повернув голову парня, спросила Лиза.

– Кто ты? – удивился Даня, быстро оставив свою прежнюю спутницу.

– Я твоя дочь из будущего, – улыбаясь, сказала Лиза, пытаясь разглядеть реакцию парня.

– Серьёзно? – немного пьяным голосом ответил Даня. – Тогда кто же твоя мать? Кто подослал тебя, чтобы сказать, чтобы я завязывал с разгульной жизнью?

– А сам как думаешь?

– Думаю, что ни одна девушка не осмелится родить от меня такую красотку, – не стал упускать свой шанс Даня и уже стоял перед Лизой, глядя ей в глаза или же не в глаза.

– Знаешь, может, отойдём? – попросила девушка.

– Не могу. Обещал другу не бросать его сегодня опять. Как к тебе обращаться?

– Лиза.

– Лиза? Тогда ты точно не моя дочь из будущего. Но это длинная история. Я Даня.

– А я знаю.

– А я тоже знаю, что ты пришла с Дашей, которая забрала мою футболку. План провален. Потому что как бы ты не старалась, я не настолько пьян, чтобы не заметить её. И если ты хочешь ей помочь, скажи, чтобы забыла меня. Я не буду создавать серьёзных отношений. А она пусть найдёт старенького дедушку и замутит с ним. Я не против, Лиза.

Лиза нервно улыбнулась, потом выхватила у стоящего рядом парня бутылку пива, вручила Дане и пафосно ушла.

27.

– А что это было? – спросил Кирилл, который подошёл вместе с Мартой, висящей на его руке, стоящей еле-еле на ногах.

– Лиза. Моя дочь из будущего.

– Прикольно. Перекурим? – предложил Кирилл.

– Ты же не куришь? – заметил Даня.

– Жизнь довела. Я, кстати, вас не знакомил. Это мой друг Даня. А это мой друг Марта.

– И мы с ним спим, – добавила Марта весёлым голосом.

– Это та девушка с улицы? А я думал, что Кирилл врал всё время. А оказывается, что нет.

– У тебя плохой друг, – заявила Марта. Но её никто уже не понимал. Ей было плохо. Она чувствовала что-то такое, от чего было настолько неприятно, что хотелось просто умереть. И она прекрасно знала, как от этого избавиться. Но возможности не было. Кирилл курил с Даней. Дым был отвратительно неприятным, грубым и тошнотворным. Даня быстро бросил сигарету и как-то бестактно оставил друга, прервавшись, будто на половине слова. Марта, чьи волосы с каким-то слишком быстрым наслаждением впитывали сигаретный дым, смотрела на Кирилла. Кроме невыносимого физически чувства она ощущала ещё одно. Нечто странное и необъяснимое. То, чего она не ощущала никогда. Лишь пре-

параты давали ей возможность кратковременно почувствовать счастье. Но теперь оно будто лилось. И причины этому не было. Ей просто было комфортно. Просто ей нравилось быть.

Она встала напротив Кирилла. Наклонив голову, сквозь дым смотрела в его глаза, пытаясь найти хотя бы их очертания в темноте.

– Ну, что такое? – не вынимая сигарету из-за рта, сквозь зубы спросил парень.

Марта поддаваясь какому-то влечению, смеси физической боли и помутневшего сознания, приблизилась к своему другу. Она выдохнула, разогнав мерзкий дым. А после взяла горящий край сигареты в рот.

Это действие обескуражило, прежде всего, Кирилла. Ему понадобилась почти секунда, чтобы понять, что звук шипения – это затушенный слюной огонёчек сигареты. Кирилл сразу вытащил сигарету у себя изо рта, откашливая дым и чувствуя жжения у себя в горле. Но после того, как сигарета галантно была выплюнута Кириллом, она осталась во рту у рыжей девушки. Она держала её, из глаз ручьями текли слёзы, и по её виду нельзя было сказать, радуется она или же умирает от боли.

– Что ты делаешь, – вытаскивая сигарету из обугленного рта своей подруги, спросил Кирилл.

– Я не могу больше, – отчаянно крикнула Марта. Ближайшие к ним люди обернулись и Кирилл, не понимая, что де-

лать, просто обнял девушку. Солёные слёзы начали впитываться в его одежду. Марта получала удовольствие от этих объятий, но произносила, как заезженная пластинка:

– Я должна вернуться. Я искусство. Я должна вернуться. Я искусство.

– Так давай я тебя верну, если тебе будет легче. Если ты не будешь так страдать, – ответил Кирилл, путая свои пальцы в её кудрях.

Марта с надеждой посмотрела на парня. В её помутневших мыслях пробежала лишь одна фраза: «Почему ты такой хороший?» и она замахала головой вверх вниз.

Кирилл снова выловил Даню, который трепался теперь с Дашей. Кирилл махнул на этот факт рукой и в середине слова вставил свою просьбу:

– Я возьму твой мотоцикл? Буквально на полчаса. Покататься.

– Поцарапаешь, я тебя прибую, – отдал ключи Даня, которому в голову уже ударил алкоголь и который как-то невзначай делал всё, что ему скажут. И пока Кирилл поднимал ключи, которые не смог поймать налету, Даня получил от Даши такую фразу:

– Возьми меня в жёны.

– Хорошо, – также как и с мотоциклом решил он этот вопрос, – выпьем же за это! – подал бутылку Даня Даше и с особой страстью, будто желанием съесть девушку, поцеловал, одновременно показывая другу на парковку около ма-

газина. Кирилл лишь убито улыбнулся, как и Лиза, которая печально смотрела на всё это и тихо и медленно скрывалась с глаз этих безумно глупых людей, не знающих, что месть не подразумевает слабость мстителя.

Кирилл взял средство передвижения, сел сам, подождал, пока усядется Марта, развернулся к ней.

– Держись крепче.

Но эти слова были лишними. Кирилл так и не разогнался. Курьер на велосипеде оказался быстрее. Но Марта всё равно со всей силой вцепилась в парня. Происшествия не случилось. Кирилл лишь заблудился во дворах, пока искал мастерскую Вадима по туманным описаниям девушки. Она же закрыла глаза и даже не смотрела на дорогу и окружающие объекты.

– Приехали. Здесь? – спросил Кирилл после долгой дороги, настолько долгой, что даже на улице начало светлеть, хотя солнца и не было. Марта оглянулась и слезла с мотоцикла. Чуть ли не бегом подошла к железной двери и отчаянно начала стучать. А Кирилл неуклюже попытался поставить мотоцикл, но вместо этого упал вместе с ним, придавив себя к земле и ошпарив ногу об нагретые детали. Попытка подняться была неудачной. Он только сильнее расцарапал ноги и руки. И остался ждать в таком положении.

28.

Марта чуть ли сама уже не вырывала дверь. Вадим ей открыл. Такому стремлению нельзя было не открыть. Марта спихнув Вадима в сторону, подбежала по голому полу к зеркалу. Она нашла шов, провела ногтем по щели и легла на пол, чтобы достать то, что ей нужно было. Её кудри снова стали ржавыми в синем свете. Марта постоянно убирала их с лица. Достав пакетик с чем-то рассыпчатым, она высыпала всё содержимое в рот. И с облегчением повернулась к зеркалу. Рукой она коснулась отражения.

– Какая ты глупая, Марта, – прошептала девушка, не замечая Вадима, стоящего над ней.

– Ты что творишь? Проваливай отсюда, – спокойно сказал художник.

– Я нигде больше не могу. Выбросишь меня на улицу умирать? Там же дождь. Я промокну, бездушное ты создание.

– Ты и так умрёшь, наркоманка.

– Я не наркоманка. Я искусство. А ты художник, которому я буду предана до конца своих дней.

– Приди в себя. И уйди отсюда.

– Я хочу тебя. Я жажду тебя сильнее, чем твои зеркальные заначки. Ну что же ты? Я же привлекаю тебя. Ты же готов нарисовать меня. Своими красками. Нарисовать синим, чтобы не видеть, чтобы ненавидеть. Ну же. Бери и твори! Я

прошу тебя, – находя удовольствие во всём, говорила Марта.

– Марта, хватит. Всё закончилось. Ты сама знаешь. Ты сама отпустила всё. Достаточно. Ничего не будет, – сел на корточки Вадим и, наклонив голову, посмотрел в глаза Марты.

– Конец – это же то же самое, что и начало. Начнём заново. Прошу тебя. Умоляю, – смеялась девушка.

– Поднимайся и уходи!

В глазах Марты всё было иначе. Она не чувствовала злобы Вадима. Она ловила кайф от препаратов, а точнее от того, что избавилась от физической боли, от того, что мысли больше не резали её изнутри. Марта поднялась, облокотилась на зеркало, и с пьяной улыбкой уставилась на Вадима. Она с особой лёгкостью, если сравнивать последние часы, поставила ноги на пятки, раздвинула их, чуть ли не в шпагат, не прерывая зрительную связь с Вадимом.

Тот разочаровано вздохнул, встал и ушёл к себе в угол. Пусть делает, что хочет. Ей лечиться нужно. Такое поведение не нормально.

А Марта обижено, лапая пальцами зеркало и оставляя мерзкие пятна, встала, не чувствуя земли, теряясь в пространстве. Она подошла к Вадиму. Шатаясь, пытаясь в размытой картинке, определить его местоположение, дошла, пару раз смачно упав. Вадим каждый раз безучастно поднимал на неё глаза. Марта подошла, а скорее приползла. Она упала на колени художника, руками устремившись к его лицу. И после того, как Вадим грубо вывернул её руки, она оперлась

на колени Вадима и уже упала на плечи, окутав нос и рот парня своими волосами. От них пахло сигаретами и Вадим с отвращением отодвинул их.

А Марта не теряла времени. Потому что в следующее мгновение она целовала художника, не обращая внимания на его нелепое сопротивление. И лишь когда он оттащил её за волосы так, что Марта прогнулась в спине до хруста, Вадим также грубо поставил слишком податливую девушку прямо.

– Что у тебя со ртом? Это отвратительно. Ты успела подцепить какую-то заразу?

– Я попробовала сигарету. На вкус. Не вкусно, – пояснила Марта, теряясь в пространстве и заваливаясь то в одну сторону, то в другую. – Дай мне с собой все свои заначки, и я обещаю пропасть на очень долгое время. На неделю. А то меня ждут, – вспомнила Марта и, будто забыв о существовании Вадима, поползла к оставшимся тайникам. Парень с каким-то облегчением выдохнул, будто избавился от этой проблемы. Но Марта упала в середине комнаты и начала плакать. Очень громко. Будто её резали. И приоткрытая дверь в мастерскую не смогла утаить такой возглас. На него и прибежал Кирилл, который немного покалеченный, не разбирая подробностей, сразу схватил Вадима и начал бить. Тот явно не ожидал подобного. Он просто спал до этого. А тут к нему в мастерскую врывается наркоманка, её знакомый, который явно агрессивно настроен. Вадим отбилась банкой краски. И

пока Кирилл что-то там лазил около Марты, Вадим набрал номер служб, которые как-то быстро приехали и забрали эту парочку за решётку.

29.

Сам Вадим встал около зеркала. Посмотрел на ссадины на лице, на кровь, стекающую из носа, на порезанные кольцами пальцы, на почти порванные серьгами проколы. Вадим аккуратно потрогал пострадавшие части тела, определяя в какой момент он начинает чувствовать боль. Увидев на пальцах кровь, он задумчиво огляделся. Вот и холст. Вот и идея. Вот и новый проект. Кровь легла отпечатками на бумагу. Что-то в ней было особенное. Это же кровь от драки. Она явно не хотела вытекать. И этим надо было с кем-то поделиться. Вадим написал Соне: «Привет. Спишь?» после этих слов Соня сразу же позвонила Вадиму.

– Ты нашёлся? Поздравляю. Я не спала. Что хотел?

– Рассказать прекрасные новости. Мне пришло вдохновение. Я готов приступить к новому проекту.

– Здорово. Я очень рада за тебя.

– Скажи, не хочешь ли ты погулять? Пару часов до рассвета. Я приеду за тобой.

– Ты не забыл, что я немножко ограничена в правах, пока не достигну совершеннолетия.

– А как по клубам ночами сидеть, так можно?

– А как исчезать на трое суток без «здрости» и «до свидания» так в порядке вещей?

– Да ладно тебе. Не будем же мы ссориться. Я заеду за

тобой. У тебя пятнадцать минут на сборы.

И Вадим отключил звонок. Ещё раз взглянул на себя. Посмотрел на место почти преступления. Было бы всё так просто. Но он и не собирался вызывать настоящие службы. Так, любители. Поддержат их до утра и выпустят. Вадим не собирался портить жизнь своей старой музе. Ну и тому, кто с ней творит всякие странные вещи.

Вадим завёл свою машину. Художник за рулём. Мгновение и вдохновение, полученное дракой, могут перерасти во что-то более масштабное. Массовое ДТП, с участием невинных людей. Такие странные мысли закрадывались в голову к Вадиму. Но сейчас верх брало желание поговорить с Соней. Она будет новой музой. В ней есть что-то потрясающее, что-то необъяснимое. Она слишком чиста для этого мира. Слишком наивна и при этом недоверчива. Хотя, быть может, это всё её маска. И лишь в глазах художника она такой идеал.

Вадим подъехал к месту, где когда-то высадил Соню, подвозя её из клуба домой. Ему пришлось ждать минут двадцать. И Соня всё же появилась. Она с уставшим видом села в машину.

– Уже не так страшно садится ко мне в машину? – спросил Вадим.

– Да, уже неважно. Что с тобой? – поинтересовалась Соня, увидев на лице у Вадима засохшую кровь.

– Да так. Ничего страшного. Просто подрался, объяснил Вадим так, будто для него это повседневность.

– Бывает. До свадьбы заживёт, – полностью безэмоционально отвечала Соня. – И куда поедем?

– В мою мастерскую.

– Для этого я выходила из дома? Как безвкусно с твоей стороны. Давай в какое-нибудь живописное место. Давай выедем в лес, посмотрим на мокрую листву. Послушаем как природа. Живёт, – выделила во всей фразе лишь последнее слово девушка.

– Тебе же всего пятнадцать. Какая природа? – возмутился художник.

– Нам надо расстаться раз и навсегда, – задумчиво сказала Соня, после такого осуждения.

Этой фразой она как-то сильно задела художника. Его настрой, даже после драки, даже после разговора с менеджером, оставался положительным. Но этой юной леди стоило сказать лишь одну фразу, как Вадим погас. Он, сменившись в голосе, спросил:

– Почему?

– Я скоро умру, видимо. Или же мне понадобится лечение в другой стране. Найди ту, которая сможет с тобой просто быть.

– Ты сейчас серьёзно? – недоверчиво сказал Вадим.

– Какой смысл мне врать? Хотела бы тебя отшить, не искала бы три дня в социальных сетях. Давай это будет наша последняя встреча. Я не знаю, как всё сложится.

– Подожди. А тебе так и сказали, что ты умрёшь? – ис-

кал какие-то способы решения возникшей проблемы Вадим, проверяя всю полученную информацию.

– Это очевидно! – чуть было не закричала Соня. Но потом взяла себя в руки и прежним тоном произнесла: – Ты тоже умрёшь.

– Я не умру. Я художник. Моё творчество будет жить вечно, – произнёс заученную фразу Вадим.

– Это если ты великий художник. А ты не великий. Ничего не имею против твоих картин. Просто великие люди не могут связаться с такой, как я.

Вадим замолчал. Он смотрел в лобовое стекло. На улице было тихо. Дождь закончился, но было пасмурно. Вадим не знал, что делать, что сказать. А Соня испытывающе смотрела на него.

– Давай поженимся? – неожиданно сказал Вадим.

Соня закатила глаза и обиженно открыла дверь машины. Она собиралась выйти, но Вадим успел её схватить за руку. Кольца и цепочки, тянувшиеся по его кисти, сразу же попытались поранить Соню. Она одним взглядом заставила Вадима попросить прощения и больше не говорить таких глупостей.

– Я не хочу никого больше искать. Нас судьба свела. Это план свыше. К чему торопиться? Что будет, то и будет? – объяснил всё Вадим.

– Воспользуешься мной? Будешь заботиться, любить, а когда я отброшу коньки, тут же найдёшь другую?

– Ты так сказала, будто это плохо.

Соня попыталась снова уйти, не желая выслушивать от парня столь разочаровывающие её вещи.

– Да не буду я с тобой из-за жалости. Ты мне нравишься. Я хочу, чтобы ты стала моим вдохновением. Я заплачу тебе за это. Сможешь потратить на своё лечение. Стань частью искусства.

– Твоим искусством. Как та несчастная девочка? Не нужны мне твои деньги. Твоё внимание. Ничего мне от тебя не нужно.

– Но ты-то мне нужна.

– Хорошо устроился. А моего мнения ты не хочешь узнать? Может быть, у тебя всё просто. Но я как бы не в такой малине живу. Пока идёт этот отвратительный дождь, я не получила ни одной хорошей новости. Мне плохо. Постоянно. Я даже была бы рада своей смерти. А ты начинаешь мне втирать про вдохновение, музыку, искусство. Мне бы твои трудности. Сидишь, рисуешь, ищешь себя и не о чём не думаешь. Круто. У всех вокруг всё хорошо, кроме меня! – не выдержала девушка.

– Соня. Всё хорошо. Всё прекрасно. Просто посмотри на это с другой стороны.

– Другой стороны не существует, Вадим.

Оба собеседника замолчали. А что говорить-то? Что ещё не сказано? Чего ещё хочет это утро?

– Я умру вместе с тобой, – заявил Вадим.

Соня не выдержала и разгневанная вышла из машины. Хлопнула дверью. И осталась стоять на улице. Перед машиной. Надо же было сказать такую глупость. Это же издевательство в чистом виде.

– Поехали, открыв окно, сказал Вадим.

Соня села назад. Пристегнулась. Включила телефон, чтобы посмотреть погоду и прочие важные детали, которые могут перевести тему. Села она лишь по той причине, что она же вышла из дома. Не просто так ведь.

– Дождь прогнозируют до конца следующей недели, – нашла информацию Соня. Но реакции от собеседника не дождалась.

Вадим привёз девушку к себе в мастерскую. Привёз почти насильно. Всю дорогу девушка молчала. Молчала и сама не осознавала того, что ей ведь реально не так много осталось. И она реально умрёт. И она же ставит на ставку свою жизнь.

Вадим открыл свою мастерскую, включил синий свет, завёл Соню, толкая в спину.

– Это твоя мастерская? – спросила Соня.

– Мастерская, дом, и вся недвижимость. Нравится?

– Нет. Слишком синий. Слишком холодный. Ужасно.

Вадим как-то даже расстроился. Но что-то сделать, чтобы угодить Соне, он не мог. Поэтому лёгким движением руки, он провёл её к своим работам. Презентабельно показал на кляксы крови на холсте.

– И что это? – без лишних предпосылок, предугадываний

и предыстории спросила девушка.

– Мой новый проект. Я назову его «Сонечка».

– Это чушь. Просто кровь на холсте.

– Глупая! Это не просто кровь. Это меня избили. Это большее. Это боль. Это эмоции. Это чужая рука, которая разрушила ткани моего тела! – восхищённо сказал Вадим.

– Ничего такого. Я в своей жизни знаешь, сколько драк видела? Как-то пацана так сильно избили, что его в больницу забрали, и он там умер.

– Какая же ты... У меня слов нет! Я ей об искусстве, а она о насильственной смерти. Я разочарован.

– Это твои проблемы. Я говорю о реальном. Это ты живёшь своими мечтами. Своим искусством. Оно ничто. Оно так, деньги на ветер, время на ветер, ветер на ветер.

Соня потрогала картину рукой. И будто испугалась. Будто почувствовала свое будущее. Несчастное и недолгое. И все так печально, что слезы сами полились из глаз.

Вадим тихо подошёл к ней. Как то нелепо обнял её сзади и Соня интуитивно к нему прижалась.

– Мне страшно, – сказала девушка.

– Я буду с тобой. Хочешь, я поеду с тобой в другую страну. Да хоть на край света. Да хоть в соседнюю галактику.

– Мы с тобой знакомы пару дней, а ты уже предлагаешь идти на край света. Ты ненормальный? – улыбаясь, ответила Соня. Она почувствовала от Вадима такую поддержку, что

перестала чувствовать давление. Атмосферное, артериальное, моральное и прочие. – Это любовь с первого взгляда?

– Будь я даже слепой, то влюбился бы. Будь я самым нелепыми, самым странным, самым нереально отвратительным. Я бы любил тебя душой. Разве ты не чувствуешь?

– Ничего не чувствую. И это прекраснее всего. Это же прекрасно не чувствовать боли и дискомфорта. Спасибо.

Вадим погладил Соню по голове. Смел с её щёк слезы. Посмотрел в глаза, которые девушка упорно прятала. Она не хотела, чтобы кто-то её жалел. Не хотела. Но желала. Жалеют – слабая. Жалеют – жалкая, ничтожная, не способная ничего сделать. Самая мерзкая. Самая не самая.

30.

И пока Соня окутывалась в объятия Вадима, ей позвонил телефон. На часах пять шестнадцать. Кто так рано звонит? Кому она нужна? Тимофей.

– Да, – делая максимально привычным свой голос, ответила Соня.

– Я не нашёл твоих родителей, – громко раздался на всю мастерскую голос доктора.

– Понятно. От меня чего хочешь?

– Может, ты знаешь, где найти твоих законных представителей?

– Где-нибудь во дворах, около круглосуточных ларьков... – произнесла, будто стесняясь, будто рассказывая что-то безумно неправильное, Соня.

– Я если не найду их до десяти, то возьму тебя и пойду с тобой искать.

Тимофей положил телефон. Осмотрелся по сторонам.

Тимофей остался один. Он и был один. Его профессия плохо сочеталась с отношениями и друзьями, с семьёй. И если бы при таком состоянии он не отдавался полностью людям, которым помогал, то без сомнения спился. А так алкоголь попадал в организм этого человека лишь по праздникам. И лишь в очень малых количествах.

Тимофей бродил по адресам, куда его посылали просто

тошнотворные люди. Их вид, запах, речь заставляли просто ненавидеть всё спиртное. Тимофея гоняли из одного конца города в другой. Он замотался и держался из всех сил, чтобы не ударить кого-нибудь, не нахамить. На дорогу он потратил так много денег... Стоило ли всё это такому бесцельному и безблагодарному.

Тимофей приехал в какую-то затуманенную дымом комнату, пропахшую отходами и чем-то настолько безобразным, что его чуть не вырвало.

Где-то в углу, примерно в таком же состоянии, как и всё вокруг, лежали два человека. Одним из них была женщина, которая услышав шаги, поднялась как из ада. А второй человек лежал без движения.

– Он умер, – невнятно произнесла женщина.

– Соня ваша дочь? – аккуратно спросил Тимофей.

– Что с ней? – напугал женщину Тимофей.

– Ей нужно лечение, – уставшим голосом произнёс Тимофей, не пытаясь ничего скрыть.

– Нет у меня денег! Откуда у тётки Шуры деньги?

Женщина легла обратно на тело. Легла, пытаясь, будто не проститься, а будто умереть вместе с ним.

Тимофей с отвращением подошёл к ним. Рукой отодвинул женщину и проверил тело на наличие жизни. Женщина была права. Этот человек умер. Тимофей хладнокровно отвёл женщину, от которой несло спиртным, которая на ощупь чуть ли не разлагалась.

– Мне нужна ваша подпись. Я хочу отвезти вашу дочь в Израиль. Нужны ваши документы. Вы понимаете?

– Кто ты? Соньки парень? Новый хахаль? Чего к ней привязался?

– Я доктор.

– Иди лесом, доктор. Документы ему мои нужны... А больше ничего не нужно? Кредит на меня оформишь, а меня все забудут! Проваливай.

Тимофея задели эти слова. Но он себя сдержал. Он достал снимки, результаты анализов, прочие бумаги. Как котёнка, постукал ими в лицо женщины.

– Что это? – сопротивлялась женщина.

– Вы понимаете, что Соне плохо? Соне нужно лечение. Она с рождения страдает. Вы разве не видите?

– Это всё её отец. Я тут не при чём.

– Распишитесь и дайте свои документы, – чётко и ясно сказал Тимофей.

– Да ладно. Бери. Все бери! Дочь, квартиру, деньги! Я же мусор. Что это все для меня?

– Как он умер? – махнув головой на тело, спросил Тимофей.

– Как человек, – пробубнила Шура.

– Кто он вам?

– Я не знаю. Я первый раз его вижу.

– Поедете со мной? – спросил Тимофей, теряя надежду на осмысленный разговор.

– Зачем ты мне?

– Решайте. Я предоставлю вам всё, что пожелаете. Только прошу, не забивайте на свою дочь. Она не должна умирать из-за вашей безалаберности.

– Она не умрёт. Она проживёт столько, сколько ей полагается. Она родит мне внука. А ты мне врешь. И бумажки твои фальшивые.

Женщина развернулась, и содержимое её желудка оказалось на земле. Она вытерла рот рукой и продолжила:

– Ты не можешь быть доктором. Соня не ходит по докторам. Ей не наплевать на свое будущее.

– Вы всё знаете?

– Знаю, что у неё руки все в шрамах? Очевидно. Я её мать. И в отличие от моей старшей дочери, эта жила со мной.

– Так будьте же матерью, а не последней тварью! Я всё оплачу. Возьму на себя всю ответственность.

– Отвезу вашу дочь в чужую страну, где займусь с ней грязными вещичками, и она залетит. После чего брошу её одну с ребёнком в стране, где она даже спросить ничего не сможет, – продолжила речь Тимофея женщина, изображая своего собеседника.

– Ничего такого не будет! – разозлился Тимофей.

– Даже если она захочет? Даже если эта ненормальная девочка влюбится в тебя? Ты осмелишься сделать её несчастной? – начиная икать, возражала женщина. Но по голосу казалось, что она почти готова согласиться. Что она пере-

осмыслила всё. Или же её клонило в сон.— Хорошо. Поехали. А то меня повяжут здесь за убийство.

Мёртвое тело снова привлекло всеобщее внимание. Но у человека, который закончил медицинский ВУЗ и у женщины, которая видела и кровавые бойни с кровью и прочими мерзостями, этот человек даже не человек. Что он есть, что его нет. Неважно, кого уже нет, если есть те, кто готов жить просто ради жизни.

— Я отдаю тебе Соню, — в машине сказала женщина. Только устрой нам прощальный вечер. Я хочу попросить у неё прощение. Я ужасная мать. Но, может, ты поймёшь меня. У меня тяжёлая жизнь. Мне не везет. Ни в любви, ни в работе. Если бы я не пила, то никогда бы не испытала чувства элементарного счастья.

Женщина сказала ещё много слов. Они так и лились из её рта. Как выливались и другие жидкости. За них Тимофей заплатил таксисту сверху. В его доме свет не горел. Но дверь была открыта. На пороге стояли отцовские ботинки. Тимофей попросил женщину вести себя тише. Первым делом отвёл её в душ. Он беспокоился, что сейчас всё вокруг провоняет этими тошнотворными ароматами. И он сам уже весь пропах этими низкими запахами, снижающими уровень значимости до нуля.

Тимофей подал этой женщине полотенце и нашёл махровый халат, которым в жизни не пользовался. И подождав её почти два часа, на чём сам настоял, отвёл женщину в свой

кабинет, где принимал пациентов. За это время он чуть не уснул. Весь вчерашний день он провозился с Соней, всю ночь с её матерью.

– Подпишите, – подал ручку, нарисовав в нужном месте точку, и пододвинув бумаги. Здесь укажите ваши данные. Потом поедем сделаем все ксерокопии. Дальше надо будет заверить и подписать при определённых людях. Но это мы уже вместе с Соней. И надо бы найти переводчика. Можете пока лечь на кушетку. Только утром поедем. Правда, уже семь. Не раньше десяти. Не выходите отсюда.

31.

Тимофей вышел из кабинета. Первым же делом понюхал свою рубашку. С отвращением прямо на ходу снял её и выбросил в мусорное ведро.

– Я его обеспечиваю, а он так вещи выбрасывает! – напугал Тимофея отец, сидевший за столом, в костюме, допивал кофе.

– О, ты уже встал? – спросил Тимофей

– Я тебе больше скажу. Я уже готов приступить к работе. И кстати, я заранее извиняюсь, что так ворвался. Приехал. Переночевал. У нас на улице что-то прорвало. Воды горячей нет. А ты, как я посмотрю, тоже не дома спишь.

– Ну, бывает, – будто оправдался Тимофей. Хотя учитывая, что ему уже немножко за тридцать, ничего особенного в этом не было. – Я хотел сказать тебе. Думаю, что скоро поеду в Израиль. Хочу проконтролировать одну пациентку. И немного помочь ей с финансированием. Не одолжишь мне миллиона три?

– Миллиона три? Говоришь, будто это триста рублей. Ты же в курсе, что деньги не из воздуха берутся.

– Если учитывать, какие махинации ты проворачиваешь, именно из воздуха они и берутся. Можешь дать под проценты?

– Я тебе не банк. А отец. Так дам. Два.

– Ну и столько хватит. Спасибо.

– Только тогда без тачки на день рождения. Потому что всё потянуть невозможно.

– Я понимаю.

– А остальные твои пациенты?

– В ремиссии. Если что сделаю скидку. Полечатся у Германа. Он тоже неплох.

– Он специфичен. А я опаздываю.

Эдуард Васильевич, поставил чашку в посудомойку. И уже через час сидел на рабочем месте, листая статистику и подводя итоги прошедшего заседания. А потом к нему зашла долгожданная клиентка. С неё он собирался получить в свой карман достаточное количество денежных средств.

– Наташенька, доброе утро, – поприветствовал он женщину, когда та, наконец, пришла.

– Я отказываюсь от сделки, – с порогу заявила мать Кирилла.

– Что такое? – испугался Эдуард Васильевич.

– Мне все врут. Думаю, что вы первый, кто меня обманывает.

– Вы откуда такую информацию взяли?

– В гороскопе написали.

– Не верьте гороскопам. Самая удачная сделка мною была сделана тогда, когда в гороскопе написали, что меня ждут финансовые неудачи.

– Тогда ладно. Все бумаги готовы. Мне осталось распи-

саться? Не так ли?

– Всё верно, Наташенька. Вам надо подписать договор и наша сделка будет действительна.

Женщина подписала бумаги. Эдуард Васильевич был доволен.

32.

Уходя, тётя Наташа, как её звали и будут звать, с каким-то интуитивным чувством и даже страхом возвращалась домой. Всю ночь она не спала. Всю ночь она думала, где её сын. Материнское сердце её было не на месте. Чего-то ждала она сегодня. Чего-то ужасного и печального.

Она зашла в магазин с мыслью, что нужно приготовить что-нибудь праздничное. Она же разобралась с таким рискованным делом. Сделав покупки, Наташа вышла и заметила машину мужа. И ей не могли не кинуться в глаза красные волосы. И она не могла не увидеть столь страстный поцелуй. И она не могла сдержать слёзы, чуть ли не убегая оттуда.

Всю дорогу Наташа убеждала себя, что ошиблась. Крутила в голове новые диалоги. Чувствовала такое предательство, которое точно не ждала. И даже беспокойство за сына выпало из её головы. Заплаканная, она подошла к дому. И пока доставала ключи, пока собиралась с мыслями и пыталась успокоиться, пыталась не плакать на улице, не привлекать внимание...

– Мам! – послышался откуда-то издалека голос. От этого голоса Наталья успокоилась. И вместе с тем загналась ещё больше. Слёзы сами собой полились в три раза сильнее. Её сын это часть того предателя. И в сердце всё сильнее зарождалось желание возненавидеть их обоих.

Тётя Наташа вытерла слёзы, прикусила язык, чтобы сменить мысли, чтобы перестать рыдать, но ответить она не могла. Не могла, потому что голос будет трястись. Да и посмотреть на сына она не могла. Как можно быстрее она начала открывать дверь.

– Мам! Да стой ты! Подержи дверь! – уже громче крикнул Кирилл. Но и его голос не был спокойным. Он был напряжён. И что-то было не так. И Наташа быстро это поняла. Она задержала дверь, но сама спряталась за неё, чтобы сын не видел лица, не знал того, что слёзы непрерывно стекают от обиды, от боли разбившегося в мгновение сердца.

Кирилл как-то вроде бы живо, а вроде бы и сильно замедлившись, зашёл в подъезд. Здесь было темно, и поэтому без особых раздумий мать зашла за ним.

– Ты жива? Эй. Скажи хоть что-нибудь, – уже мягко, без напора спросил Кирилл. Спросил у Марты, которую притащил сюда, перекинув через плечо.

– Не тащи меня туда. Там тесно. Не в лифт, – путаясь в словах, в мыслях, пугаясь себя и вздрагивая, ответила Марта, которую Кирилл поставил к стене.

– Что у вас тут? – испугалась и полностью отвлеклась от измены мужа мать Кирилл.

– Мам, можешь побыть с Мартой? Что у тебя тут? Продукты? Я отнесу их и вернусь. Побудь с ней. Говори с ней. Не дай ей отключиться. Марта! Не спать! – Кирилл нащупал пакеты, выхватил их из рук женщины, а её руку поднял и

ПОМОГ В ТЕМНОТЕ НАЙТИ МОЛОДУЮ ЛЕДИ.

33.

Кирилл быстро поднялся, кинул пакеты на стол, налил воды в бутылку, достал мамин платок, который так неудачно оказался на дверце шкафа. И так же быстро вернулся.

– Живы?

– А никто не собирался умирать, – ответила Марта.

– Кирилл, что происходит? – серьёзно и даже строго спросила мама.

– Всё хорошо, – поспешил её успокоить Кирилл. Он чуть ли не силой заставил Марту пить воду. После чего она упала в его руки. Он сильно прижал девушку к себе. Эти объятия были столь надёжными, что при отсутствии желания, они бы никогда-никогда не отпустили друг друга.

– Я завяжу тебе глаза, и ты не увидишь стен, – заявил Кирилл, хвастаясь своей гениальной идеей.

– Это не так работает. Тесноту чувствуешь, а не видишь. И стены сближаются и всё. Тебя нет. Ты умер. А ведь я искусство. Я должна быть бессмертной.

– Я же с тобой, – заявил Кирилл. А тем временем из глаз его матери слёзы текли всё сильнее. Почему у неё такой классный сын? Почему этой наркоманке достаётся такое чудо, а её муж променял жену на какую-то неформалку. Неужели он привлекает таких особ? Чем?

– Мам! Ты идёшь? – беспокоился Кирилл. На самом де-

ле он только с виду был сосредоточен и рассудителен. Его самого мутило. Но вот под его опекой она. И о себе он не может думать.

– Кирилл. Я знаю, что ты затащишь меня в лифт. Я же услышу, я же почувствую. Не надо. Пожалуйста.

– Марта. Доверься мне.

– Ты переспал со мной после часа знакомства. Довериться?

– Я же не бросил тебя!

– Кирилл, – влезла в разговор тётя Наташа, осуждающе отреагировав на подобную информацию.

– Мама, иди первой. Помоги, блин, мне. Марта, не отключайся! Марта!

Кирилл занёс девушку в лифт. И та, отдалённо всё понимая, начала трястись, как осиновый лист, будто в лифте было минус двадцать, будто всё обречено и кончено. Она не смогла этого перенести и полностью упала в руки Кирилла, скатившись наполовину. Наталья набрала в рот воды и брызнула в лицо Марты. В лифте было уже светло. Мать, наконец, увидела все ссадины и ушибы своего ребёнка, его замученный взгляд. А он увидел её заплаканный вид. Но оба промолчали. В квартире Кирилл окончательно привёл Марту в чувства. Заставил её выпить таблетку и избавиться от всех токсичных веществ. При этом он не снимал повязку с её глаз. После он обработал её незначительные ссадин, положил в кровать, открыв окно и занавесив шторы. Посидел с ней до тех пор, по-

ка она не уснула, и ушёл на кухню к матери.

– Что случилось? – шепотом спросила женщина.

– Да так. Ничего сверхъестественного. Что с тобой?

– Что со мной? – повторила вопрос женщина и заплакала.

– Mam, – протянул испуганно Кирилл. – Что-то случилось? Что-то серьёзное? Что-то с папой?

– С твоим папой? – снова повторила вопрос мать, а потом через силу улыбнулась и сказала:

– Да нет. У тебя такие страшные раны на лице. Давай я обработаю, – перевела тему женщина.

– Mam, что случилось? – настойчиво спросил Кирилл.

– Ничего. Я от счастья. Договор подписала. Теперь проблем быть не должно. Я пойду руки помою.

И когда Наталья ушла, по закону подлости зазвенел телефон, и высветилась надпись, столь знакомая Кириллу. Он ответил:

– Да пап. Что хотел?

– Пап? – переспросил женский голос, – так значит, это Кирилл. А я люблю твоего отца. И я буду с ним. Передай матери. И пусть не устраивает сцен. От неё мне нужен только развод. К тебе я лезть не собираюсь. И можешь не звать меня мамочкой номер два. Я Ника. И это наше общее окончательное решение.

Девушка отключилась, оставив Кирилла в таком состоянии, что казалось, он сейчас взорвётся от недопонимания, злости и усталости, навалившихся незначительных травм и

того, что для человека, которого он любит, он просто друг.

– Кто звонил? – спросила, придя на кухню женщина.

– Папина любовница, – решил не врать матери Кирилл.

– Понятно, – хладнокровно ответила мать. – Что хотела?

Познакомиться?

– Развод, – быстро перебил мысль сын.

– Много хочет. Пусть делает с Толиком, что захочет, скачет на нём в любых позах, но подобного эта швабра не получит.

– Мам. Хочешь, я разберусь с ней. И с отцом. Ты же из-за них плакала, – тихо предложил Кирилл.

– Я хочу, чтобы ты лёг в кровать и отдохнул. Не лезь в эти дела. Наслаждайся своей жизнью, – ответила Наташа. Но слёзы сдержать не смогла. Ответила и заплакала. И приступила к готовке, взяв в руки лук. Не от горя она плачет, а от лука. По крайней мере, она пыталась себе это внушить.

А Кирилл лёг рядом с Мартой. Аккуратно, отодвинув её волосы, протиснув свою руку между её руками. Он обнял её со спины, и она будто перестала вздрагивать и что-то невнятно бормотать. Да и Кириллу будто стало лучше. Вчера, видимо, в его организм попали пара тройка лишних бокалов, или бутылок, если быть точнее. А теперь, когда всё так спокойно, когда она рядом, ему стало легче. Сомнительные мысли ещё путались в его голове по поводу родителей, но в его-то жизни всё прекрасно. Прекрасно сейчас. И дружба это не так плохо. Дружба лучше любовных отношений. Любовь приходит

и уходит, а настоящий друг навсегда.

– Ты всегда будешь со мной? – спросил Кирилл у спящей девушки. На это она, разумеется, не ответила. Как можно ответить, если ты спишь. Поэтому сначала она проснулась. Проснулась, потому что Кириллу позвонили и на всю комнату из телефона закричали:

– Где мотоцикл?

– Мотоцикл... – вспомнил Кирилл и сразу же сел, оставив Марту. Она приподнялась за ним.

– Ты где? – спросил из трубки Даня, который был на нервах.

– Дома, – коротко ответил Кирилл.

– Я сейчас приду.

Кирилл схватился за голову. Она разрывалась от боли, от скачков давления, от мыслей, которые то появлялись, то пропадали.

– Так ты будешь со мной всегда? – ещё раз спросил Кирилл у девушки.

– Конечно, – приблизилась Марта и нежно поцеловала парня.

– Только давай вычеркнем Вадима из твоей жизни. Не нравится он мне.

– Он и не должен тебе нравиться. Но я не могу без него. Меня ломает без него.

– Ты просто не пробовала. Я сделаю лучше. Я стану для тебя кем угодно.

– Ты и так лучше, глупыш. Мне кажется, что я люблю тебя, но это так странно. Разве это любовь?

– Именно она. Я чувствую её. И она прекрасна. Мне не больно рядом с тобой. Мне не страшно. Я готов пойти с тобой куда угодно. Я готов начать тебя рисовать. Я готов стать твоим художником.

– Стань моим парнем. Чего прятать чувства за дружбой? Нельзя называть священным словом «друг» такие грязные влечения.

Марта перебралась на колени к Кириллу. Она села, схватив его в свои объятия и безнадёжно повернув голову в сторону окна, напоминаящее, что стены не сдавят её. Они сидели неподвижно, будто стали чем-то целым. Будто всё вокруг не имело значение. И лишь с кухни доносились шваркающие звуки и будто всхлипывания.

34.

Через некоторое время в комнату зашёл Даня. Он был немного не в лучшем виде. Он был встревожен.

– Ключи, – протянул руку друг Кирилла.

Парень отодвинул руку девушки и похлопал себя по карманам. Ключей в них не было.

– Наверное, выронил, когда того придурка бил, – спокойно ответил Кирилл. Он поднял Марту и положил на кровать, заставив её нелепо улыбаться.

– Мы скоро вернёмся, – на ухо сказал Кирилл Марте, отодвигая её руки и ноги от себя.

В подъезде Кирилл набрал отцу. Ему нужна была машина. Пусть теперь отвечает за всё. Ответила снова девушка:

– Ну чего ты трезвонишь? Мы заняты немножко.

– Отцу телефон передай, – резко ответил Кирилл, смотря в глаза недовольному Дане.

Женщина на другой стороне звонка недовольно вздохнула, и после Кирилл уже говорил с отцом.

– Можешь отвезти меня? – так же грубо и без лишней информации спросил сын.

– Хорошо, – немного несмело ответил водитель Анатолий.

– Жду тебя около подъезда. И быстрее!

Даня молчал. Он был слишком поникшим. Слишком раздавленным. Вчерашняя прогулка оказалась для него неверо-

ятно травмирующей.

Машина подъехала скоро. Всё же отец был в соседнем дворе. Машина прибыла вместе с красноволосой девушкой на переднем сиденье. Кирилл вместе с Даней сел назад, игнорируя и водителя и его спутницу.

– Я на сайте указал тебе адрес. Туда, – холодно произнёс Кирилл.

– Не обижайся на меня. Ты же взрослый человек, – ответил на его молчание Анатолий.

– А я не обижаюсь. Мне всё равно, какой ты... – Кирилл усердием замолчал, чтобы не начать ругаться в машине при посторонних людях, – Просто за маму обидно.

На назначенном месте валялся мотоцикл. Прямо в таком же положении, как и вчера. Кирилл с Даней подошли к железной двери мастерской. И пока Даня усердно молчал, доверяя происходящее другу, Кирилл колотил в дверь. Вадим открыл её и хотел было тут же закрыть.

– Да стой ты. Я не буду тебя бить. Ключи от мотоцикла где-то выронил. Дай поищу, – отодвигая художника от дверного прохода, вошёл Кирилл. А вслед за ним и Даня. И если первый тут же начал ползать по полу, пытаясь разглядеть что-то на нём, Даня взглянул на девушку, которая непринуждённо сидела у холста, рассматривая происходящее в зеркало.

– Соня? – решил убедиться Даня.

– Какой ужас. Как ты меня здесь нашёл? – встала Соня и немного отошла назад.

– Соня! Кто он тебе? Он твой парень? – наехал на девушку Даня.

– Дань, тебе какая разница? Ты от меня отстанешь когда-нибудь?

– Я женюсь, – спокойно сказал Даня, пытаюсь вызвать у Сони что-то иное. Ревность. Отчаяние. Зависть.

– Женишься? – переспросила Соня. Она удивилась. – И на ком же?

– На Даше, – печально ответил Даня.

А тем временем Вадим медленно и аккуратно подошёл к Соне, охраняя свою собственность, боясь, что её сейчас переманят, заберут у него.

– Я рада за тебя. Будьте счастливы, – не зная, что ещё сказать, произнесла Соня, хватая руку Вадима и отдаляясь от Дани.

– Я не люблю её. Я тебя люблю, – заявил Даня.

– Я... – замешкалась Соня. – Я никогда. Никогда не испорчу тебе жизнь. Любишь? Разлюби. Так будет лучше. Это твоя проблема. Хватит делать меня виноватой! – вспыхнула Соня на последней фразе. – Чего ты от меня хочешь!? Почему всем от меня что-то надо? Почему? – спросила последний вопрос Соня у Вадима, подняв голову вверх, чтобы увидеть его лицо.

– Я нашёл их, – сказал Кирилл, вручил их Дане и вышел из мастерской. Его же друг ещё мгновение смотрел на Соню. На то, как она отчаянно прижималась к этому человеку,

который не защитит её, не сделает счастливой и никогда не поймёт, как когда-то ей было тяжело.

Даня медленно направился к выходу.

– Дань, – окликнула его Соня, заставив в мгновение развернуться. Она подбежала к нему, чтобы увидеть при дневном свете, хоть и не таким ярком, как в солнечную погоду, – я, возможно, скоро уеду. В другую страну. У меня со здоровьем всё плохо. И не факт, что потом всё будет хорошо. И не факт, что я проживу ещё много лет. И просто забудь меня. Пожалуйста. Будь счастлив с Дашей. Прости меня. Я не могу быть с тобой. Я не могу любить тебя.

Даня печально посмотрел на Соню. Он даже не знал, что из сказанного хуже?

– Обещай, что не будешь плакать, когда эта дверь захлопнется, – тихо произнёс Даня.

– Хорошо, – натягивая улыбку, ответила Соня и стерев все внутренние обиды обняла его. – Возможно, что это в последний раз...

– Нет. Всё будет хорошо, – возразил Даня.

– Ну, раз ты так сказал, значит, так и будет. Друзья? – протянула руку Соня.

– Друзья даже с моей невзаимной любовью, – пожал её Даня и вышел, разбитый вдребезги, но остававшийся снаружи достойным человеком.

35.

Соня простояла мгновение, глядя на закрытую дверь, а после упала на колени на пол, не в силах стоять от столь глубокого и трагичного разговора с бывшим.

– Меня всю жизнь окружали хорошие люди... – заявила Соня, ища себя в синих отражениях зеркал.

– Послушай, если ты хочешь, – несмело начал говорить Вадим, который всё это время пытался сохранять позицию невидимки.

– Не говори ничего, пожалуйста, – сглатывая безмолвные слёзы, сказала Соня. Она легла на пол, вытянув руки вверх. Ловя состояние, когда сердце не так сильно било в уши.

– Тебе плохо? – заботливо спрашивал Вадим, садясь рядом с девушкой.

– Не говори ничего, – повторила Соня. Она обняла колени, и лишь прикосновение руки Вадима возвращало её из состояния отчаяния к состоянию реальности, безнадежной реальности. Как и звонок телефона.

– Ало. Тут гроза намечается. Отвратительно себя чувствуешь? – спросили у Сони.

– Хуже некуда, – ответила девушка. Она не видела имени того, кто ей звонил. Лишь по голосу, по характеру вопроса, она поняла, что это Тимофей.

– Мы с твоей мамой уже подписали пару бумаг, почти

оплатили, остались твои подписи и документы. Ты дома?

– Нет.

– Куда за тобой заехать?

– Я могу подвезти, – мягко предложил Вадим, подслушивая разговор.

– Никуда, я сама доеду. У Леры на квартире. Договорились? – приняла всё во внимания Соня и дала ответ.

– Отлично, – согласился доктор.

Вадим быстро довёз Соню. Остановился с ней около подъезда. Минуту просидел просто в тишине.

– Это может оказаться нашей последней встречей? – спросил художник.

– Не думаю. Это не так быстро делается, как ты думаешь, – пыталась оставаться хоть на маленькую долю позитивной Соня.

– И всё же ты уедешь?

– Наверное.

– А ты мне понравилась...

– А я же сразу сказала, чтобы ты поискал другую музу.

– Это не так просто.

– Тогда отношения на расстоянии? Я стану старше. Ты станешь осознанней. К тому же социальные сети нам только на руку.

– Гроза будет... – проямлил Вадим.

– Что ж. Теперь моя очередь исчезать. Не так ли? – улыбнулась Соня.

– Я закончу ту серию картин. Ищи себя на обложках журналов об искусстве. И посети как-нибудь мою выставку. Я буду ждать тебя в любое время, в любом формате.

– Я надеюсь, что мне не грозит участь твоей Марты?

– Нет. Ты же не она. Ты это ты. А я это я. И нечего смешивать всех подряд в одно. Ты прекрасна. И ты зажгла во мне вдохновение. Спасибо.

Соня, отвлекаясь моментами от речи художника на головную боль, поймала его взгляд.

– Оставайся на связи, – прошептала девушка, приблизилась к Вадиму и так по-детски, с какой-то внутренней дрожью поцеловала его. А после быстро выскочила из машины и только помахала рукой на прощание.

У сестры Соня сразу же взяла таблетки и, недолго раздумывая, выпила их. Лера сидела с полотенцем на голове и смотрела какую-то до безумия банальную передачу по телевизору.

– Нечего себе! Ты вернулась? И как тебе сбегать из дома? Привычно? Совесть не мучает? – начала сразу же сестра.

– Тимофей смог договориться с мамой, – не отвечая на вопросы старшей сестры, сказала Соня.

Лера как-то пафосно сказала что-то на подобие «Фи» и продолжила смотреть передачу. Потом Тимофей позвонил Соне, и она спустилась вниз.

36.

Но Лере не пришлось долго кого-то ждать. К ней поднялся Денис, который смог уловить нужный момент и ворваться в квартиру, пока Лера не закрылась изнутри. Он вошёл вместе со своей сестрой.

– Что ты тут забыл? – возмутилась Лера.

– Послушай, как только мы начали встречаться, я подарил тебе подвеску с камнем. Это тот камень, который потеряла моя сестра Лиза. Можешь, его вернуть? – пояснил своё прибытие Денис, познакомив таким образом Леру со своей сестрой.

– Вернуть подарок? Вот до чего ты докатился?

– Это любовный камень, который передавался из поколения в поколение! – взвизгнула Лиза, питая отвращение к своему брату, который выставил её растеряшей.

– Сначала называете меня воровкой, а потом без ноты такта просите вернуть подарок? У вас от ваших денег совсем мозг размяк? Почитайте детские книжки о том, как надо приходить в гости, здороваться и просить о чём либо, – не теряя достоинства и не слишком обращая внимания на гостей, отвечала Лера.

– Послушай сюда, – не выдержала Лиза и подошла вплотную к Лере, тыкая ей в лицо пальцем, – если ты не вернёшь мне камень, я найду способ засудить тебя по всем статьям

мира.

– Лиза, – вступился за бывшую девушку Денис, которого подобное поведение сестры заставило усомниться в её адекватности.

– Я бы вернула. Но у меня нет вашего камня. Я как-то дала его Соне.

– Где она? – спросила Лиза, готовая уже куда-то бежать.

– Только не ищите её. Она и так вся на нервах. Ей нужно лечение в другой стране. Не травмируйте ребёнка.

– Позвони ей и узнай! – громко раскомандовалась Лиза.

– А ты мне тут ещё поучавай. На братца своего так кричи. А в моём доме, будь добра, не повышай на меня голос, – уравновешенно ответила Лера, заставив эту истеричку замолчать.

Лера взяла телефон и позвонила Соне.

– Сонечка, тут Денис спрашивает про подвеску, которую я как-то раз тебе дала поносить. Но ты же её не вернула? Он очень сильно интересуется вопросом, где она?

– Я не знаю. На вечеринке, вроде бы оставила. Сейчас напишу, спрошу.

Выждав ещё пару минут, Лера получила такой ответ:

– Я проиграла его в карты Дане, а он, в свою очередь Кириллу. Но он пока не знает, где камушек может быть. У матери уточнит и перезвонит.

Спустя ещё недолгое время Соня позвонила с известием:

– Камень взял отец Кирилла и подарил своей любовни-

це. Дальше никто ничего не скажет, потому что, по словам Кирилла, «она самое мерзкое существо на планете». Больше ничем помочь не могу.

– Спасибо.

Лиза особым взглядом посмотрела на Дениса. Тот на Леру.

– Что вы ещё от меня хотите? – спросила Лера, снимая с головы полотенце.

– Попроси контакты, – сказал Денис, будто читая мысли сестры.

Лера набрала сообщение. Ей удалось добыть контакты отца Кирилла. Она набрала номер и спросила:

– Здравствуйте, скажите, а вы дарили своей возлюбленной камешек на цепочке? Не могли бы вы мне его вернуть?

– Извините, а с кем я говорю? – спросил водитель.

Телефон выхватила Лиза:

– Это заколдованный камень. Он предназначался не для вас. Прошу вернуть, пока не стало хуже.

37.

– Мы вам перезвоним, – отобрала телефон у Анатолия Ника. Они все вместе, втроём возвращались домой.

– Пора и с твоей женой познакомиться, милый, – сказала девушка, первая вышла из машины и первая поднялась в квартиру возлюбленного.

– Добрый день. Разрешите представиться. Ника, – сказала красноволосая девушка, проходя на кухню.

– Наталья, – представилась жена Анатолия, когда муж и сын уже были на месте.

– Я не буду тянуть. Я люблю вашего мужа и хочу быть с ним.

– Будь. Пожалуйста. Только аккуратнее. Заразы всякой не хватать.

– Вы не поняли. Я хочу стать его женой.

– А тут тебе не повезло. Может, ему и нравится с тобой спать, лизаться в машине, обсуждать что-то мелочное, но я прожила с ним достаточно. И буду с ним до смерти. Потому что я давала клятву. Потому что я люблю его по-настоящему. И я прощу ему всё, – сказала со слезами Наталья.

– Наташ, – подошёл к женщине Анатолий. – Ты, правда... Правда, простишь меня? За всё это?

– А ты думал, что я устрою скандал и разведусь с тобой? Ради неё? Она же ничего не стоит. Я не оставлю тебя.

Анатолий стёр слёзы своей жены. Ника, обескураженная подобным, выбежала на улицу. Она сняла с шеи камень и перезвонила по номеру, который успела перебросить себе на телефон.

– Куда нести вашу безделушку? – грубо спросила девушка.

38.

Денис от неожиданности назвал странный адрес, который первым попался в мыслях.

– Это место, где мы тогда поссорились? – спросила Лера, внимательно слушая бывшего парня.

– Поехали? – проигнорировал вопрос Денис.

– Я с вами, – вскочила Лера. – С моего же телефона идут переговоры.

В короткое время брат с сестрой и с бывшей девушкой брата уже ждали на назначенном месте. Дождик начинал накрапывать.

– Опять этот мерзкий дождь, – проворчала Лера.

– Да где же она! У меня поезд через три часа, – поддерживала её Лиза.

А Денис украдкой рассматривал Леру. Находил её черты на фоне тёмно-синего неба особенно привлекательными. И когда красноволосая девушка со злостью вручила Лизе камень, когда её немного задела машина, сдающая задом, и когда Ника снова встретилась с Германом, который на сей раз более тактично объяснил ей, что не маньяк и сделал парочку комплиментов. После чего, желая ощутить свою значимость, Ника без колебания согласилась с ним на свидание. После того, как Лиза села в такси и уехала на вокзал, попрощавшись с братом прямо здесь и не заставляя его куда-то ехать.

После этого Денис сказал Лере:

– Я не хочу, чтобы ты спала с моими друзьями за деньги.

– Правда? – саркастично протянула Лера.

– Только не начинай опять. Я хотел сказать... Прости, что тогда такое предложил. Ты не такая. Ты интересная. Ты красивая. Ты прекрасная во всём.

– И я с тобой не из-за денег. Правда, не из-за денег... – сказала Лера, которая очень давно хотела это сказать.

Дождь начал усиливаться. Эти двое стояли около машины, не думая скрываться от капель, смывающих с души всю обиду. Лера так резко снова полюбила дождь. Она видела Дениса перед собой и понимала, что главное в нём не деньги. Что во многом она не права. Во многом он не прав. Он не идеален, как и она. И это лучшее, что можно придумать.

– Я люблю тебя, – поднимая глаза кверху, прямо на капли летнего ливня, произнесла Лера.

– Взаимно, – схватив девушку на руки и прокрутив в воздухе, ответил Денис.

И вода стекала с особым желанием приземлиться на эту землю. Здесь ей рады. Здесь она больше не ненавистна. Здесь она в окружение любви, а не ненависти.